

Армавирский государственный педагогический университет
Кубанское отделение «Русского исторического общества»

Общественная академия наук, культуры,
образования и бизнеса Кавказа

Краснодарский краевой общественный фонд культуры
кубанского казачества «Линеец»

В.Б. Виноградов, Е.Г. Люфт

А.А. БЕСТУЖЕВ (МАРЛИНСКИЙ):
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
ПОВЕСТИ «АММАЛАТ-БЕК»
(Часть II)

Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 54.

Москва – Армавир — 2009

9(С 16)
63.3 (2Р37) В-49

Виноградов В.Б., Люфт Е.Г.

А.А. Бестужев (Марлинский): историко-этнографические реалии повести «Аммалат-бек» / В.Б. Виноградов, Е.Г. Люфт. – Часть II. – Москва; Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2009.

Выполненная работа адресуется научным, педагогическим, учащимся кругам, а также всем тем, кто интересуется историческим прошлым Северного Кавказа эпохи его превращения в органическую часть единого Российского государства.

Отзывы о содержании обеих частей данного труда просьба присылать по адресу: 352900, г. Армавир Краснодарского края, ул. Р. Люксембург, д. 159, АГПУ, кафедра всеобщей истории и региональной истории, Виноградову В.Б. или Люфт Е.Г.

На лицевой обложке: Рисунок М.Ю. Лермонтова – Аммалат-бек, бросивший к постели умирающего хана Султан-Ахмета отрезанную голову Верховского.

**А.А. Бестужев (Марлинский):
новые горизонты познания Кавказа
(к читателям)**

Вслед за I частью данного исследования авторы публикуют и завершение своего комментирования самой прославленной из кавказских повестей писателя-декабриста Александра Александровича Бестужева (Марлинского), (1797–1837 гг.). Они склонны считать её своего рода художественно-прозаической энциклопедией Северного Кавказа, созданной одним из классиков русской литературы, родившимся на острие творческой выработки романтического и реалистического методов изображения экзотической и прекрасно известной ему кавказской действительности.

Продолжающееся содружество известнейшего знатока Юга России и студентки в привычных рамках Кавказоведческой Школы академика В.Б. Виноградова, приближающейся к почётному 50-летию, приносит весомые плоды.

И, как я считаю, далеко не только в весьма обстоятельном и хорошо аргументированном историко-этнографическом комментарии мало кому, к сожалению, сегодня известного выдающегося произведения. В 2007–2008 гг. специалисты разного профиля в некоторых вузах Краснодарского края обеспечили настоящий прорыв в приостановившемся было деле изучения и популяризации декабристской тематики.

Состоялись научные и научно-практические конференции и семинары, издания целого ряда монографий и сборников, в которых биография и творчество А.А. Бестужева (Марлинского) заняли весьма видное место. 14 декабря 2007 г. в Краснодарском государственном университете культуры и искусств прошёл и отдельный исследовательский форум, посвящённый 210-летию со дня рождения и 170-летию с момен-

та гибели талантливого отечественного деятеля под названием «Год А.А. Бестужева (Марлинского) – горизонты осмысления» с параллельной публикацией одноимённого сборника материалов об этом общественно-культурном феномене.

Представители Армавирского государственного педагогического университета непосредственно и многообразно участвовали в соответствующих мероприятиях, в чем легко убедиться с первых же страниц нынешних изданий.

Но куда важнее, что внимательное прочтение конкретными авторами повести «Аммалат-бек» в контексте необычайно обширного и «многослоного» наследия А.А. Бестужева (Марлинского) побуждает сегодня вновь поставить на повестку дня актуальнейшую задачу всестороннего осознания и объективной оценки места яркой исторической личности в выработке наиболее прогрессивной модели русско-севсрокавказских взаимоотношений времени формирования Российского Кавказа как навечного породнения всех его народов в составе единого государства.

Это и есть следствие той теории и практики «российскости» обоснованию и характеристике которых успешно служат усилия тех историков, культурологов, фольклористов, которые искренне озабочены сегодняшней и дальнейшей судьбой южной окраины Российской Федерации.

Хотелось бы надеяться, что читатели по достоинству оценят смысл и пафос предлагаемого им труда.

**М.И. Серова,
доктор исторических наук,
профессор КГУКИ, академик МАН**

I.

Повесть «Аммалат-бек»: русский генерал и кумыкский владетель глазами полковника Верховского

Первые четыре главы «Кавказской были» А.А. Бестужева-Марлинского ознаменовали собой начало опубликования прославленной повести «Аммалат-бек» на страницах популярного журнала «Московский телеграф» в 1832 г. Они уже подвигались попытке специального историко-этнографического анализа (1), нуждающейся в продолжении. А потому резонно обратиться к последующему содержанию эпохального литературного произведения.

Глава V преподносит читателю пример перемены автором жанра своего создания – от повествовательно-фактографического к весьма специфическому эпистолярному, будучи выполнена в виде как бы воспроизведения фрагментов двух личных писем полковника Верховского к его невесте «из Дербента в Смоленск».

Образ этого боевого офицера и российского военного администратора в одном из прикаспийских районов империи был обозначен в солдатской реплике во время конфликта с Султан-Ахмет-ханом в первой главе повести. Теперь наступил момент наполнить его содержанием через строки переписки с далекой, нежно любимой женщиной, которой поверяются все подробности и тайны незавидного армейского бытия, где «одна служба, утомляя, если не развлекает меня, пособляет коротать время», когда «я не нахожу в товарищах людей, которые могли бы понять мои мысли, не нахожу в азиатцах, кто бы разделил мои чувства...».

Отдушина в «несносной разлуке» – настоячивое желание невесты: «Ты велишь мне.., чтобы я описывал жизнь мою день за днём, час за часом» и «мне святыня – твоё желание...».

И вот в письме, датированном октябрём 1819 г. детально воссоздадут-

ся выразительные и правдивые сцены непосредственного контакта между «главнокомандующим» на Кавказе генералом А.П. Ермоловым и пленённым в бою на Тереке мятежным кумыкским феодалом Аммалат-беком.

Стоит внимательно и беспристрастно взглянуть в ситуацию, подаваемую писателем-декабристом через впечатления опытного и по самому характеру своему дружелюбного полковника.

Притом, давно, справедливо и всё более отчетливо осознаётся «своеобразный гиперисторицизм» тех «элементов исторического наследия, что были прочно удержаны и мифологизированы как народной памятью, так и политическим сознанием». Среди таковых и стойкие представления в отдельных сегментах общества о неумолимой и безудержной «жестокости Ермолова» в его деятельности на Кавказе (2), как, впрочем, некоторых других российских военначальников (3).

Вместе с тем, в отечественной историографии достаточно примеров взвешенного, многомерного, а потому и куда более объективного взгляда на личность, кавказскую политику и практику «наместника (проконсула) Кавказа», сыгравшего выдающуюся роль в его сращивании с Россией (4). Появились и новые опыты специального рассмотрения сложного, неоднозначного образа А.П. Ермолова-кавказца в русской художественной литературе 1820–1830-х гг., прямо затрагивающие творческое наследие А.А. Бестужева (Марлинского) и прежде всего его «культурную» повесть «Аммалат-бек», отразившую позицию пытливого современника опиравшегося на жизненный и фольклорный материал (5).

Всё это повышает актуальность задачи непосредственного знакомства и понимания нюансов содержания соот-

ветствующих страниц и строк интересующего нас произведения.

Заметим, что едва завуалированный образ А.П. Ермолова появляется ещё в первой главе, когда Султан-Ахмет-хан ведёт речь о том, что «сударь ласкал меня», а потом якобы «кровно обидел... несколькими каплями бранчливых чернил» своего письма. Как разъясняют компетентные комментаторы сочинений А.А. Бестужева (Марлинского), «сардарь» – одно из восточных титулований русского главнокомандующего на Кавказе, а эпистолярный выпад на самом деле подразумевает «ответ Ермолова на письмо аварского хана в 1818 году», когда он «разгадал двуличную политику хана и предложил ему сделать выбор: быть подданным России или её неприятелем» (6).

Теперь всё происходит в крепости Бурной, куда Верховский – командир Куринского полка со штаб-квартирой в Дербенте, «находившийся тогда в качестве свитского офицера при главнокомандующем», приходит в составе отряда А.П. Ермолова после успешного похода в Акушу («снег согнал непокорных с вершин недоступных, они поклонились головою, дали заложников»). Накануне расставания с генералом перед «другим походом на линию» необычно много народу собралось попрощаться с «обожаемым начальником», который и «вышел к нам из палатки, к чаю».

Намереваясь передать своему возлюбленному, душевно тонкому и образованному адресату произошедший эпизод, Верховский «берёт быка за рога».

«Кто не знает его лица по портрету? Но тот вовсе не знает Ермолова, кто станет судить о нём по мёртвому портрету».

Вряд ли может быть оспорено, что речь здесь идёт о знаменитом портрете А.П. Ермолова, исполненным Джоржем Доу для военной галереи Зимнего дворца на пике генеральской карьеры в 1825 г. (7). «Сурового и мужест-

венного «покорителя Кавказа» художник запечатлел на фоне белоснежных Кавказских вершин, с багровыми отблесками неба» (8). Так пишет современный историк. А литературовед подчёркивает: «...Левой рукой он опирается на шашку. Характерно, что Ермолов предстаёт не в походной одежде, а в «полупарадном» костюме, однако же художник не преминул изобразить на правом плече характерную кавказскую деталь – бурку» (9). Тут же приводится веская система аргументов в пользу того, что в русской литературе 1820–1830-х годов Ермолов появляется во многом благодаря его «готовому» портретному образу.

Однако в повести А.А. Бестужева (Марлинского) «Аммалат-бек» автор противопоставляет «реального» Ермолова его изображению на «поэтическом портрете, писанном Довом» (А.С. Пушкин). И делает это с первых же слов полковника Верховского: «Мне кажется, ни одно лицо не одарено такою беглостью выражения, как его! Глядя на эти черты, вылитые в исполинскую форму старины. Невольно переносишься ко временам римского величия...».

Далее писатель-декабрист не скупится на глубокую и похвальную характеристику многогранной служебной деятельности и манеры генерала выдающей его большой ум, пронизательность, профессионализм, выражаемые редкими сочетаниями строгости и душевного расположения. Вывод: «...ну, право, дай бог век жить и служить с таким начальником!» (с. 472–473).

Нс менее лестны последующие строки своего рода психологической оценки общения главнокомандующего с близко окружающими его людьми. «...Алексей Петрович шутит со всеми как товарищ, учит, как отец: он не боится, что его увидят вблизи». Мнение Веховского, что крайне важно, зиждется на прочном фундаменте долгого (по крайней мере со времён «наполеоновских войн») знакомства с полководцем. Передать в пересказе суть и дух отзы-

ва о Ермолове – непосильная задача: нужно просто перечитать соответствующие страницы повести!

Между тем, «вид и вечер были прелестнейшие: лагерь раскинут был обок Тарков. Над ними висит крепость Бурная, за которою склонялось солнце; под скалою дом шамхала, потом по крутому склону город, объемлющий лагерь, и к востоку необозримая степь Каспийского моря». Мирная панорама оживляется этнографической зарисовкой: «Татарские беки,

черкесские князья, казаки с разных рек необъятной Руси, аманаты («заложники», а исторически точнее – гаранты державной верности (10). – Авт.) с разных гор мелькали между офицерами. Мундиры, чухи, кольца перемешаны были живописно; песельники, музыка гремели посреди стана, и солдаты, гордо заломив шапки набекрень, толпами гуляли вдали. Всё – пленяло пестротой, изумляло разнообразием, радовало свежестью, силою боевой жизни». Это – одна из повседневных картинок той самой «российскости», совместничества которая спланивала многонациональные окраины России, в том числе и посредством участия армии в периоды мира и затишья (11)...

Кабардинский родовитый князь, «капитан Бекович похвалился, что он отсечёт кинжалом голову буйволу». Возник жаркий спор, преобладали сомнения. А.А. Марлинский делает тут выразительное примечание: «Очень забавно неверие европейцев к тому, что кинжалом можно отрубить голову; стоит пожить неделю в Азии для убеждения в противном. Кинжал в опытной руке стоит и топора, и штыка, и сабли» (с. 473). Что и доказано: «...капитан улыбался, взмахнул левой рукою огромный кинжал – и рогатая голова покачалась к ногам удивлённых зрителей». Раззадоренная армейская публика пыталась повторить пример – «всё напрасно. В свите Алексея Петровича было много силачей и удальцов из русских и азиатцев – но для этого нужна была не одна сила».

В спор вмешался сам главнокомандующий. Он «велел принести свою саблю..., сперва попытал лезвие, раза три махнул ею в воздухе и потом уже приступил к делу. Закладчики не успели ударить по рукам, как голова буйвола вонзилась рогами в землю. Удар был так быстр и верен, что туловище несколько минут стояло на ногах и потом тихо, тихо рухнуло. Крик изумления вырвался у всех. Алексей Петрович хладнокровно посмотрел, не иззубрилась ли сабля, стоящая несколько тысяч, и подарил её в знак памяти капитану Бековичу».

В этот момент «явился офицер линейских казаков с донесением от полковника Коцарева, который оставался на терской линии» и успешно отразил набег горцев.

Прочитав рапорт, Ермолов одобрил его, расспросил подробно горца-есаула и «велел привести пленников, которых нашли ранеными и оживили. Пятерых привели перед главнокомандующим. Туча налетела на его чело, когда он их увидел; брови сошлись, очи сверкнули». Он узнал их!

Приговор был суров и скор, а также традиционен в подобном случае. «– Мерзавцы! – сказал он узденям. – Вы три раза присягали не разбойничать и три раза нарушали присягу. Чего не достаёт вам? Лугов ли? Стад ли? Защиты ли того и другого? Так нет, вы хотите брать с русских награды за имя мирных и добычу, наводя черкесов на наши деревни, разбойничая с ними! Повесить их! Повесить на собственных воровских арканах. Пусть только бросят жребий: четвёртому воля, – велеть ему рассказать своим товарищам, что я приду научить их держать слою и заморить по-своему. Узденей вывели...».

Проще всего объяснить произошедшее с чисто державнических позиций, едва ли одобряемых самим писателем-декабристом. Но это не совсем, а, вероятно, и вовсе не так. Во-первых, непримиримые противоречия и крайности А.П. Ермолова, высветленные, например, прямыми свидетельствами

ми и глубокими раздумьями такого авторитета, как предельно близкий ему в 1818–1825 гг. А.С. Грибоедов (современник и во многом единомышленник А.А. Бестужева), уже подверглись анализу в специальной литературе, причём и с нашим участием (12). А во вторых, не надо забывать, что в разбираемой главе отражено восприятие не самого творца повести, а одного из героев – полковника Верховского, человека, несомненно, симпатичного автору, но решительно не идентичного ему (13), что и следует непременно учитывать.

Но в любом случае, даже этот драматический отрывок художественного произведения даёт в контексте эпохи немалую пищу для спокойной и трезвой оценки помыслов и действий А.П. Ермолова, его обострённой, но не бездумно жестокой реакции на конкретное стечение обстоятельств. Впрочем, это уже тема особого историософского разговора, который давно назрел, что и подтверждается, на наш взгляд, дальнейшим содержанием главы...

«Остался один татарский бек, и мы лишь тогда обратили на него внимание». Молодой человек «красоты необыкновенной», стройный, осанистый, с гордой и хладнокровной манерой поведения. «Главкомандующий смотрел ему в глаза грозными очами, но тот не изменился в лице, не опустил ресниц.

- Амалат-бек, – сказал, наконец, ему Алексей Петрович, – помнишь ли ты, что ты русский подданный? Что над тобой стоят русские законы?
- Мне нельзя было забыть этого, – отвечал бек, – если б в них я нашёл защиту прав моих, теперь бы не стоял перед вами виновником».

Примечательно, что высший державный распорядитель на Кавказе лично знает и помнит по имени пленённого горского владетеля (как узнал он ранее и чеченских узденей-набежчи-

ков) и обращается ко всем ним с напоянием об их состоянии в подданстве России. Амалат-бек признаёт себя «виновником», неявно намекая на какое-то ущемление собственных «прав моих», то есть вновь ставит некие свои интересы выше «русских законов», которым он присягал.

«– Неблагодарный мальчик! – возразил главнокомандующий. – Отец твой, ты сам враждовал против русских. Будь это при персидском владении, семья твоей не осталось бы праха, но наш государь был так великодушен, что вместо казни даровал тебе владение. И чем ты заплатил за милость? Тайным ропотом и явным возмущением! Этого мало: ты принял и скрыл у себя закланного врага России (Султан-Ахмет-хана. – Авт.), ты позволил ему при своих глазах предательски изрубить русского офицера! Со всем тем, если бы ты принёс покорную голову, я бы простил тебе за твою молодость, для обычаев ваших. Но ты бежал в горы и вместе с Султан-Ахмет-ханом злодействовал в границах русских, был разбит и снова сделал набег с Джембулатом. Ты должен знать, какая судьба ждёт тебя».

Аммалат-бек, все понимая, не тешит себя иллюзиями, а внешне хладнокровно отвечает: «– Знаю. Меня расстреляют».

Однако по обычаю того времени изменники, пленопродавцы и «разбойники» карались повешением, а потому: «арбу вверх оглоблями и узду на шею – вот тебе награда. – Всё равно как ни умереть, только бы умереть скоро, – возразил Амалат, – я прошу одной милости, не терзать меня судом, это тройная смерть»...

Как ни разгневан Ермолов, он обещает: «завтра же тебя не станет. Нарядить военный суд. Дело ясное, улики налицо, и потому кончить всё в одно заседание к моему отъезду. Он махнул рукой и осужденного вывели».

Сама процедура вынесения приговора, разумеется, вызывает вопросы. Но нельзя не признать, что генерал руководствуется серьёзными резонами

и меньше всего намерен оскорбить и унижить свою жертву, даже не использовавшую возможность искать прощения «для обычаев ваших».

Дорогого стоит последующий пассаж: «Участь прекрасного юноши тронула всех. Все шептались о нём, все его жалели, тем более что не было средств его спасти. Каждый очень хорошо знал и необходимость наказания за двукратную измену и неизменную волю Алексея Петровича в делах такой гласности, а потому никто не осмелился проесть за несчастного. Главкомандующий был необыкновенно угрюм во весь остаток вечера; гости разошлись рано. .». Он как бы суммирует вообще впечатление от этого эпизода.

И, все же, преодолев всякие сомнения, именно Верховский «решился замолвить слово, – авось, думаю, выпрошу какое-нибудь облегчение» (Аммалат-беку). Прервав написание письма к государю он «отдернул полу внутренней палатки и потихоньку вошел к Алексею Петровичу...». Похоже, что Ермолов ждал такого. «...Значительно улыбнувшись, он сказал: – Вижу, вижу, Евстафий Иванович, ты крадешься под моё сердце! Обыкновенно тыходишь ко мне как на батарею, а теперь чуть ступаешь на цыпочках, – это недаром: я уверен, что с просьбой за Амалата!...»

Садись же и потолкуем о том...».

И тут А.А. Марлинский вкладывает в уста могущественного прославленного генерала пространную исповедь (с. 476-478), в которой даётся самооценка собственных мотивов и действий в русле исповедуемых принципов замирения враждебных России сил на Кавказе (15).

Напомним лишь некоторые её положения.

«...Я знаю, что про меня идёт слава, будто жизнь людей для меня игрушка, кровь их – вода... Умышленно создал себе такую славу, нарочно облёк себя ужасом. Хочу и должен, чтобы имя моё стерегло страхом границы наши крепче цепей и крепостей, чтобы слово моё

было для азиатцев верней, неизбежее смерти. Европейца можно убедить, усоветить, тронуть кротостью, привязать прощением, закабалить благодеяниями; но всё это для азиатца несомненный знак слабости, и с ними я, прямо из человеколюбия, бываю жесток неумолимо. Одна казнь сохранит жизнь сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены... На глазах моих не видят слезинки, когда подписываю приговоры, но сердце моё обливается кровью!.. Никогда со всем тем не была столь тяжка для меня обязанность наказывать, как сегодня... Взгляд, поступь и осанка этого Амалата произвели на меня необыкновенное впечатление: мне стало жаль его...».

На ободрающую «великодушное сердце» реплику Верховского облеченный долгом и высочайшей ответственностью генерал отвечает: «– Сердце должностного человека, любезный друг, должно стоять навтыжку перед умом. Конечно, я могу простить Амалата, но я должен казнить его. Дагестан ещё кипит врагами русских, несмотря на поклоны и уверения в преданности; надобно показать татарам, что никакая порода не спасет преступника, что все равны перед лицом русского закона...».

Полковник деликатно продолжает упрасивать о прощении: «Он молод, и Россия может найти в нем верного слугу. Великодушие никогда не бывает напрасно». И тогда Алексей Петрович уступает, терзаемый сомнениями: «– Я уже сделал много неблагодарных, – сказал он, – впрочем, так и быть: я его прощаю, – и не вполнину: это не моя манера. Спасибо тебе, что ты помог мне решиться быть добрым, чтобы не сказать слабым. Только помни моё слово: ты хочешь взять его к себе, – не доверяйся же ему, не отогревай змеи на сердце». Последние слова, к сожалению, оказались пророческими, но обрадованный успехом своего заступничества, Верховский не внял им. Он поспешил к надёжно охраняемому пленнику, коротавшему время в

глубокой задумчивости, со слезами на глазах. Гонец «был счастлив, что мог обрадовать его в такую горькую минуту. – Аммалат! Аллах велик, а сардар милостив, – он дарует тебе жизнь!».

«Восхищённый осуждённый» не сразу поверил в своё полное помилование. Но разъяснения его заступника были вески и дружелюбны: «– Ты ошибаешься, Аммалат, ты прощён вполне: останешься тем же, чем прежде, господином своим поместьям и поступкам, – вот твоя сабля. Главнокомандующий уверен, что ты отныне будешь обнажать её только за русских. Предлагаю тебе одно лишь условие: поживи со мною, покуда перепадёт молва о твоём походе. Ты будешь у меня как друг, как брат родной».

Это изумило и растрогало «азиатца»: «Русские меня победили! – вскричал он. – Простите, полковник, что я думал худо обо всех вас. С этой поры я верный слуга русскому царю, верный друг русским, душою и саблею. Сабля моя, сабля – примолвил он, разглядывая драгоценный клинок свой, пускай эти мои слёзы смоят с тебя русскую кровь и татарскую нефть («для черноты и предохранения от ржавчины клинки копят и мажут нефтью», – примечание автора). Когда и чем могу заслужить я за жизнь, за волю!».

Волнующий и поучительный эпизод завершён. Вместе со строками «миллой Марии» – своей любимой наперснице – Верховский сообщает: «вот уже три дня мы в Дербенте. Аммалат живёт со мной. Молчит, грустит, дичится, но страх как занимателен, несмотря на это. Он хорошо говорит по-русски; я заставляю его учиться грамоте. Понятливости необычайной; со временем я надеюсь сделать из него премилого татарина».

Мечтать, как говорится, не вредно! И крайне интересно будет наблюдать читателю за дальнейшими перипетиями непредсказуемой литературной судьбы Аммалат-бека. А пока вернёмся к художественному образу А.П. Ермолова, который раскрывается А.А. Марлинским в

двух ипостасях: «военачальника – грозного, беспощадного, и обыкновенного человека», способного к сопереживанию, к принятию доводов и аргументов, наконец, к щедрой милости (15).

Нс будет преувеличением считать, что вопреки всему вполне осознаваемому элементу' негатива в исторической личности «наместника Кавказа» (16), он – и при жизни и до сего дня в чём-то существенном олицетворяет ту реальность интегративного процесса строительства многонациональной России, когда на конкретных этапах взаимоотношения и постепенного сращивания имели место затяжные и чрезвычайно болезненные конфликты и даже протяжённые во времени кризисы в налаживании отношений между субъектами диалога и «совместничества» (17). Однако они постепенно и разными способами изживались, преодолевались и пресекались в русле формирования «многоликой российскости» (18). И далеко не случайно сам А.П. Ермолов оценивал себя так: «Никогда неразлучно со мною чувство, что я россиянин» (19).

Всем нам предстоит ещё немало потрудиться (умом и душою), чтобы истинно понять глубокий и непреходящий смысл этих дефиниций и явлений...

Вторая часть V главы представляет собой «Отрывок из другого письма полковника Верховского к его невесте, полгода спустя. Из Дербента в Смоленск». Она невелика по объёму, но чрезвычайно существенна как попытка своего рода этнопсихологической характеристики любимца обоих корреспондентов Аммалат-бека на пути его коренного «обрусения». Автор письма в первых же строках фрагмента прокламирует: «Татарские беки первой степенью образования считают обыкновенно беззачётное употребление вина и свинины: я, напротив, начал ревоспитывать душу Аммалата...».

Суть своего педагогического метода полковник формулирует чётко и, на наш взгляд, весьма уязвимо для объективной оценки: «Выказываю, дока-

зывают ему, что есть дурного в их обычаях, что хорошего в наших; толкую истины всеместные и всевечные»... Подобное лобовое противопоставление «нашего» и чужого в мировосприятии, одобренного к тому же подтекстом профессиональной ограниченности не должно удивлять нас – далёких потомков, руководствующихся уже совсем иной системой координат, порождаемой в том числе и всё той же широко признаваемой ныне концепцией «российскости» (20).

Это противоречие относится и к последующему изложению: «Читаю с ним, прихочиваю к письму и с радостью вижу, что он пристрастился к чтению и к сочинению». По мысли автора, последующая глава повести доказывает только что сказанное. Но здесь же, рядом, даются рассуждения крайне любопытные, но отнюдь не бесспорные: «Говорю пристрастился, потому что каждое его желание, прихоть, воля есть страсть пылкая, нетерпеливая. Трудно вообразить, ещё труднее понять европейцу вспыльчивость необузданных или, лучше сказать, разнузданных страстей азиатца. у которого с самого младенчества одна воля была границей желаний. Наши страсти – домашние животные или хоть и дикие звери, но ручные...; на востоке они вольны, как тигры и львы...».

И тут же даётся попытка психологически-поведенческого портрета во всей его противоречивости, толкуемой наблюдателем доброжелательным, но предубеждённым заведомо против «предрассудков народных и небрежности воспитания», которых-де «сделали всё, чтобы изурочить, изувечить

естественные «дары природы». Таков взгляд из другого цивилизационного мира, слабо подготовленного к восприятию самобытно-непривычного, односторонне неприемлемого, а потому непостижимого.

Он, что вполне естественно по тому времени, безнадежно европоцентричен, совершенно не учитывает местной горской культурно-конфессиональной (21), образовательно-общественной (22) и всякой иной специфики, которая в своей традиционной основе и вариабельности до сих пор служит трудно постижимым и крайне дискуссионным предметом изучения (23). Его игнорирование, а тем более голословное (априорное) отрицание, отнюдь не приближает к постижению истинного положения дел нелегкого становления российского кавказоведения (а шире – «кавказознания»), в отличие от западного «ориентализма» (24).

...В своих пристрастных и чутких зарисовках поведения и умственно-духовного состояния Аммалат-бека полковник Верховский приходит к грустному выводу относительно воздействия своей «педагогике»: «Начинаю верить, что гораздо легче строить, чем перестраивать». А пытаюсь найти объяснение реальным обстоятельствам слабой эффективности своих занятий не столь уж неожиданно делает открытие: «Он влюблён; он страстно влюблён: но в кого? О, я узнаю это!.. Дружба любпытна как женщина».

Так заявляется переход к очередной главе повести, может быть наиболее трудной для толкования содержащихся в ней сведений. Мы теперь обратимся к ней.

Примечания:

1. Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. А.А. Бестужев (Марлинский): историко-этнографические реалии повести «Аммалат-бек» (Часть I). – Москва-Армавир. 2009.
2. Панарин С.Н. Позиционно-исторические предпосылки современной политической

ситуации в кавказско-закавказском регионе // Россия и Кавказ сквозь два столетия. – Спб.: «Звезда», 2001, с. 36-40.

3. См., например: Муханов В.М. Наброски к портрету генерала Н.И. Евдокимова // Кавказский сборник. Том №5 (37). – Москва:

- Русская панорама. 2008, с. 137 и сл.
4. См., хотя бы: Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. – Тула. 1977; Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Эссендуки, 1999; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.). – Армавир-Грозный, 1996; Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа. – Пятигорск, 2004; Дударев С.Л. Образ А.П. Ермолова на рубеже XX-XXI вв. // Из истории и культуры линейного казачества. Материалы Шестой Международной Кубанско-Терской конференции. – Краснодар; Армавир. 2008, с. 149-153.
  5. См. соответствующую главу в диссертационном исследовании: Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820–1830-х годов. Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Тверь, 2004, с. 12-18; Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). – Пятигорск 2006, с. 64 и сл.; Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. Из эпизодов «лермонтовского Кавказа». – Москва-Армавир, 2008, с. 27-38 (там и основная библиография).
  6. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах. Т. I. – Москва: ГИХЛ., 1958, с. 435, 625-626.
  7. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. – Москва: Высшая школа, 1991 (тетрадь иллюстраций между сс. 256-257).
  8. Хлудова Л.Н. История Кубани в произведениях живописи и графики (XV – 60-е гг. XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 2005, с. 16.
  9. Архиреев М.В. Указ, соч., с. 16.
  10. Об этом см.: Такова Д.Д. Аманаты – гаранты верности складывающегося сообщества // О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. Вопросы Южно-российской истории. Вып. 13. – Москва; Армавир, 2007, с. 108-111 (там и библиография).
  11. Пылков О.С. Участие российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа (первая половина XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008.
  12. См., например: Виноградов В.Б., Яндарова А.Х.- А. А.С. Грибосдов в Чечено-Ингушетии. – Грозный. 1988; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой..., с. 24-37.
  13. См. раздел А.А. Бестужев-Марлинский: «Я вижу Кавказ совсем в другом виде...» в книге В.Б. Виноградова «Россия и Северный Кавказ... (Армавир, 2003).
  14. Толкование подобных весьма типичных для исторической действительности терминов в процессе интеграции региона в состав единого государства уже давно в соответствующей литературе (см., например: Виноградов В.Б., Гриценко Н.П. Навеки в России. К 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России: Методические указания. – Грозный, 1981; Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навсегда с Россией. О пропаганде истории добровольности вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. – Грозный, 1982).
  15. Подробнее об этом см.: Архиреев М.В. Указ, соч., с. 16-18.
  16. См. об этом, в частности: Виноградов В. Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России... с. 24-37.
  17. См.: Виноградов В.Б. Свсрокавказский кризис XIX века (раздумья о генеральных перспективах познания и преодоления последствий) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие. синтез). Материалы всероссийской конференции. – Армавир 2007, с. 49-52.
  18. Клычников Ю.Ю. Многоликая российскость // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Краснодар-Армавир, 2008, с. 53-59; а также сс. 25-29 нашей предшествующей брошюры (см. сноску 1).
  19. Дударев С.Л. Образ А.П. Ермолова на рубеже XX-XXI вв. // Там же, с. 149-153; он же. Это было недавно, это было давно... – Армавир-Ставрополь, 2008, с. 232-239.
  20. См., например: Абдулов Н.С. Черноус В.В. Диалог с русской культурой и интеграция в российскую социокультурную систему // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. I. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. 2005. с. 13-17; Хут Л.Р. Концепция «российскости» Кавказоведческой школы В.Б.Виноградова сквозь призму диалогического мышления // Материалы Международной научной кон-

- ференции «Российский Северный Кавказ...» – Армавир, 2008, с. 23-26; Великая Н.Н. О преемственности в развитии отечественной исторической науки // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 14. – Москва; Армавир, 2008, с. 47-60; Скиба К.В. Учебная программа курса «Из истории присоединения Кавказа к России». – Армавир: ИП Шурьгин В.Е., 2008; и др.
21. Сравните, хотя бы: Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2001; Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – Москва: Воен. лит., 2002; Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения, взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). – Санкт-Петербург: Европейский дом, 1996; Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. – Санкт-Петербург, 1996.
22. См., например, введение в первую часть предсмертной монографии В.Г. Гаджиева «Мастера отечественного кавказоведения». – Махачкала. 2005; и первые специальные отклики на неё: Виноградов В.Б. Кавказовед В.Г. Гаджиев: прерванный полёт драгоценного биографо-историософского проекта (впечатления причастного) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 8. – Пятигорск, 2007, с. 147-153.
23. Примером может служить разностороннее обсуждение так называемого коллективного учебного пособия «Северный Кавказ в составе Российской империи (Москва: Новое литературное обозрение, 2007): Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Вып. 11 (Материалы научно-педагогического семинара). – Армавир, 2008.
24. Эта проблематика имеет постепенно нарастающую библиографию, которая представлена, например: Захаров В.А. Ориентализм Эдварда Саида и восприятие Востока в лермонтовскую эпоху. – Москва-Пятигорск, 2008, а также: Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. Из эпизодов «лермонтовского Кавказа». – Москва-Армавир, 2007; они же. «Как сладкую песню отчизны моей люблю я Кавказ» (фарс «ориенталистских клише») // Историческое регионоведение... с. 33-37).

II.

«Записки Аммалат-бека» и охота на кабанов

Эти два сюжета составляют основу VI главы, и в ней, как представляется, немало странного.

«Выдержки из записок» даны в «переводе с татарского», в чем не было бы ничего удивительного: А.А. Марлинский владел тюркскими наречиями (1). Однако были ли эти записки в реальности – весьма сомнительно, как не обозначены пути их попадания в руки писателя или кого-либо из его ближайшего окружения. Долгое время остаётся неясным – кому адресованы эти взволнованные и явно исповедальные в своей искренности страницы. Только в последнем абзаце «выдержек» становится ясно что их прямой (по крайней мере мысленный) адресат – Селтанета, чей «образ преследует во сне и наяву». Причём вряд ли подразумевается, что она сумеет и сможет познакомиться с этим текстом.

Мы избегнем соблазна разбираться в творческих хитросплетениях приводимого в повести фрагмента вроде бы и искреннего, достоверного монолога, являющегося всё же плодом художественного замысла и вдохновения писателя, строящего своё произведение по законам западноевропейской романтической литературы и в немалой мере с учётом крайне популярных тогда образцов того же, например, Вальтера Скотта.

Многомерный, вдумчивый анализ «записок» невозможен без использования широкого, предопределённо сложного исторического фона и его сугубо литературоведческой интерпретации, что, несомненно, должно состояться в скором будущем. Условия для этого создаются ныне.

Мы имеем в виду, прежде всего подлинное уяснение и осознание крайне пёстрой, противоречивой, большей частью угнетаемой в царствование Николая I, но одновременно актив-

ной и деятельной общественных мысли и жизни России. Они отражали назревшие напряжённые размышления и искания о судьбах и путях дальнейшего развития могучего государства и его подданных (2). Следует синтезировать накопленные историсофские схемы и подходы с контекстом общекультурных осмыслений реальностей и тенденций бестужевской эпохи и их художественных воплощений (3).

Притом будет очень не просто понять и совместить разнообразие, как правило, многослойные и противоречивые парадигмы эволюции различных сегментов и проявлений общественного мировоззрения, в том числе проявляющиеся и на Кавказе. Тем более, что «специально тема Кавказской войны в отечественном литературоведении ещё не рассматривалась» с должной обстоятельностью и беспристрастностью (4).

Нас же здесь и сейчас интересует авторское намерение реконструировать и представить читателю важные элементы психологического состояния своего героя, отразившиеся в процессе впервые, якобы, предпринимаемого им самоанализа, порождённого необычайной, а в чём-то и уникальной жизненной ситуацией, в которую оказался поставлен Аммалат-бек.

Приподнято и выразительно само начало приводимого отрывка из «записок»: «...Спал ли я до сих пор или теперь во сне мечтаю?.. Так этот-то новый мир называется мыслю... Прекрасный мир! Ты долго был для меня мутен и слитен, как Млечный Путь, который, говорят, составлен из тысяч тысяч сверкающих звёзд! Мне кажется, я вхожу на гору познания из мрака и тумана... Каждый шаг открывает мне зренье шире и дальше... Грудь моя дышит свободнее, я гляжу в очи солнцу... гляжу вниз – облака шумят под ногами! ... досадные облака! С земли вы мешае-

те видеть небо, с неба – разглядывать землю!

Дивлюсь, как самые простые вопросы: отчего и как не западали мне в голову прежде?..».

Далее идёт нарастающий перечень вопросов и проблем повседневности, открывшихся кумыкскому владельцу посредством «книги» и «таинственных букв» русского языка, ставших ему доступными с некоторых пор. «...Верховский не только манит меня к познанию, но даёт и средства присвоить их. С ним, как с матерью молодая ласточка, пытаю новые крылья... Даль и высота ещё дивят меня, но не ужасают. Придёт пора, и я облечу поднебесье!..».

Но тут же оптимизм ожиданий сменяется сомнениями и даже скепсисом: «...Однако счастливей ли я с тех пор, как Верховский и его книги учат меня мыслить?». И этот посыл иллюстрируется многими примерами болезненной несовместимости вновь приобретаемых сведений и знаний с представлениями, унаследованными с молоком матери. За впечатляющим перечнем, повергающим в уныние, как бы вывод: «Что мне пользы в познании сил природы, когда я не могу переменить души своей, повелевать своему сердцу!.. Много ли выигрывает больной узнав, что его болезнь неизлечима!..». Тут и выясняется ближайший повод тягостного душевного раздвоения: «Мучения безнадёжной любви моей томнее, острее, разнообразнее с тех пор, как прояснел мой разум...».

Дальше – больше! «Чтение сокращает мне долгие, как зимняя ночь, часы разлуки. Приучив меня любить на бумагу перелётные мысли, Верховский дал мне отраду сердечную. Когда-нибудь свижусь я с Селтанетой и покажу ей эти страницы... Забвение подле тебя сладостнее самой высокой мудрости!».

Причудливый спор между разумом и чувствами продолжается и дальше, принимая в повести характер неких критических оценок доступных теперь Аммалат-беку литературных произведе-

ний гламурного, как сказали бы сейчас, жанра.

А.А. Марлинский приписывает своему герою такие слова: «...Завидую любезности, уму любовников книжных, но зато как вяла как холодна любовь их! Это европейцы фарсийского (т.е. восточно-персидского. – Авт.) пустословия, этого пения базарных соловьёв, этих цветов, вареных в сахаре? Не могу верить, чтобы люди могли пылко любить и плодотворно причитать о любви своей, словно наёмная плакальщица по умершим...».

Трудно не считать, что это – трансляция собственных мыслей писателя, увлечённого созданием художественного образа по определённым канонам.

Рядом проявляется и ещё один аспект: «Я молод – и спрашиваю, что такое дружба? Имею друга в Верховском, друга нежного, искреннего, предупредительного, – и не есть друг. Чувствую, упрекаю себя, что не соответствую ему должно, как он заслуживает: но в моей ли это воле?.. В душе нет места никому, кроме Селтанеты; в сердце нет иного чувства, кроме любви».

Из внутренних переживаний и терзаний пробивается вроде бы и резонный вывод: «...Нет, не могу читать, не могу понимать, что толкует мне полковник!.. Я обманывал себя, воображая, что мне доступна лестница наук... Я утомлён на первых ступенях, теряюсь на первом затруднении, путаю нити, вместо того чтобы развивать их, дёргаю, рву, – и добыча моя ограничивается немногими обрывками. Обнадеживание полковника принял я за собственные успехи...». Считаю, что такое заявление уже само по себе многого стоит!

Казалось бы остаётся всего лишь шаг до понимания собственной (личной) уязвимости, неготовности (неподготовленности!) решения мучительно трудной задачи совмещения традиций воспитания, формирования горского менталитета, своего рода «порога восприятия», и внешних, чужеродных,

в чём-то искусственных и даже нарочитых напластований. Но тщетно: шаг этот подменяется инстинктивным поиском того, кто (или что) «мешает этим успехам».

И вполне естественно, что таковым для «азиатца, у которого с самого младенчества одна воля была границей желаний» (см. предшествующую главу), стала его избранница Селтанет, страстным и сладочувственным восторгом к которой, затмевающим всё иное-прочее, дышат завершающие строки приведённой в повести «выдержки» из «записок Аммалат-бека».

«...А Селтанета мой свет, мой воздух, жизнь моя, душа моя... О, приди., прилети... чтоб я умер от наслаждения, как теперь умираю от скуки!..».

Едва ли подобный поверхностный с точки зрения развивающегося самопознания «диагноз» объясняет всю сложность происходящего в душе горца, «перевоспитываемого» прекрасодушным полковником. Но он поставлен создателем его художественного образа для понимания дальнейшего. И читателю приходится считаться с ним...

Между тем, письменная исповедь страстного, но недалёкого по факту' кумыкского юноши мгновенно переходит в довольно реалистическое повествование, предоставляющее куда больший простор для наших специфических историко-этнографических наблюдений и толкований.

«Полковник Верховский, желая всеми способами рассеять печаль Аммалата, вздумал потешить его охотой на кабанов, любимым занятием дагестанских беков». На зов съехались их человек двадцать, каждый со своими нукерами, каждый желая попытаться счастья, прогарцевать на поле, похвалиться удальством».

В обобщающей кавказоведческой литературе общим местом является признание того, что на протяжении долгих тысячелетий «значительную роль» у местного многоплеменного населения продолжала играть охота (5), в том числе на дикого кабана, т.е. вепря

(6). По этому поводу А.А.Марлинский прямо свидетельствует: «Тенистые леса Дагестана, изобилующие дубами, искони служат притоном многочисленным стадам вепрей» и поясняет: «... хотя татары, как мусульмане, считают грехом прикоснуться к нечистому животному, не только есть его мясо, но истреблять их почитают они делом достойным, по крайней мере они учатся на них стрелянию и с тем вместе показывают своё удалство, ибо преследование вепрей сопряжено с большими опасностями, требует искусства и твёрдости духа».

Его старший современник Г.-Ю. Клапрот, исколесивший большую часть Кавказа сообщал, что горцы раньше ели много свинины и мяса вепря (т.е. дикого кабана), но теперь (по мере укрепления исламской веры) они питают к нему такое отвращение, что считают всех, кто употребляет свинину, за «нечистых» (7). «Магометане, убившие кабана, не прикасаются к нему, а, пропустив деревянные палки с крючками через проколы в ушах, проволокавивают куда-нибудь для продажи или просто бросают туши в местах охоты» (8).

Известен незначительный пласт самых разнообразных источников, доказывающих, что дикого кабана (как, кстати, и домашнюю свинью) издревле обожествляли, боялись, чтили, приписывали им самые разные магические свойства (9).

Великолепна ландшафтно-климатическая зарисовка в повести торжественного декабрьского выезда кавалькады охотников из Дербента к лесным массивам селения Велликент, когда «на каждой версте свита Веховского возрастала прибывающими беглярами и агалярами» (т.е., по примечанию автора повести, беками и агами – представителями местной социальной верхушки).

С полным знанием предмета и всей необходимой детализацией описана облава, широко «закинутая влево» в виде растянутой цепи – «кто на коне, кто спешась», под «крики гаяльщиков,

собранных с окрестных деревень». «Скоро показались и кабаны...».

«Растянутая цепь ловцов занимала большое пространство. Самые бесстрашные стрелки выбирали места самые уединённые, чтобы ни с кем не делить славы удачи и для того, что на безлюдье вернее бежит зверь».

Так поступил и «полковник Верховский, надеясь на свои исполинские силы и меткий глаз». Но охотник попал впромак! В одном абзаце «кавказской были» чрезвычайно достоверно и динамично описана яростная атака матёрого секача, едва не окончившаяся трагедией: «С каждым мгновением Верховский ожидал, что он падёт в жертву, и голос его умирал в пустой окружности напрасно...».

Но нет! «Конский топот раздался вблизи и Аммалат-бек прискакал как иступлённый, с поднятою шашкою. Завидя нового врага, вепрь обратился к нему навстречу, но прыжок коня в сторону решил бой; удар Аммалата поверг его на землю... надвое рассечённым».

«Избавленный Верховский спешит обнять своего друга», выразить чувства благодарности. Бек не склонен принимать их, выстраивая свою, несколько искусственную версию спасения «своего благодетеля». А на похвалу полковника: «Молодецкий удар!» возражает: «В нём разразилась месть моя, а месть азиатца тяжка!».

Стоя над поверженным вепрем, обменялись и такими фразами: «...Сегодня же отомстим мы зубами этому клыкастому врагу за страх свой. Я надеюсь, ты не откажешься прикусать запрещённого мясца, Аммалат? – И даже запить его шампанским, полковник. Не во гнев Магомету, я лучше люблю закаливать душу в пене вина, чем в правоверной водице». Тем самым, между прочим, зафиксирован выразительный штрих результативного, если не назойливого, приобщения кавказца к «европейским стандартам» (10).

А что касается «мести» убитому кабану, то офицер не преминул прибегнуть к своей педагогике: «– Ты видел,

ты испытал, Аммалат. – сказал он ласково, – как мстят за зло русские, то есть христиане, будь же не в упрёк, а в урок тебе!».

В высшей мере симптоматична мимолётная, вроде проговорка о «русских, то есть христианах». Она побуждает заподозрить конфессиональный подтекст попыток морально- нравственного воздействия Верховского на воспитуемого им молодого мусульманина, что подспудно обостряет всю ситуацию. Впрочем, гуманистически-назидательный смысл реплики, похоже, пролетел мимо сознания горца: он нетерпеливо поглядывал по сторонам. И вот свершилось: «к нему навстречу нёсся эмджек его, Сафир-Али, весь забрызган грязью, на дымящейся лошади. С восклицаниями алейкюм-салам, оба спрыгнули с коней и сжали друг друга в объятиях». Так долгожданно встречаются близкие люди после важной разлуки!

Оказывается наиболее доверенный нукер кумыкского бека, тут же получивший обычную «этнографическую» награду – личную «новую чоху» обрадованного владельца (11), «по твоему желанию, а по моему летанию» вернулся из аварского Хунзаха, где повстречался с Султан-Ахмет-ханом. Тот не преминул начать обычные искусовые речения в адрес Аммалата в насмешливой форме, пытаясь вовлечь его в антироссийский сговор с Сурхай-ханом. Нуцал-ханом и другими своими антиросийскими партнёрами.

Но не этого ждёт кумыкский владелец! «– Чёрт их побери одним разом! Что же Селтанета?».

Сафир-Али не жалеет слов, чтобы рассказать о чувствах девушки, о её надеждах на приезд к ней её любимого. «Я думаю, Селтанета надеялась бы, то ты из гроба прискачешь к ней, не то, что из Дербента... Но тут же и урезонивает: «Чем тебе не житьё у Верховского! Волен и доволен: любим как брат меньшей, лелеем словно невеста. Пусть так: мила твоя Селтанета; да и Верховских немного. Разве нельзя

принести в жертву дружбе хоть частичку любви?». Ответ Аммалата: «...Дружба – прекрасное дело, но она не заметит любви»...

Кавказец выражает полное непонимание и неприятие характера отношений между полковником и женщиной, которую он боготворит. Здравомыслящий молочный брат мягко корит «за то, что (Аммалат) не любит Верховского; который всех более достоин любви и откровенности!». А когда ослеплённый

всепожирающей страстью к Селтане тот прибегает к спасительной, как ему кажется, но и лукавой, формуле «я люблю весь свет, всех людей!», мудро и не без иронии замечает: «Не помногу же достанется на брата»...

«Так разговаривая, друзья скрылись в чаще леса». При всём внешнем спокойствии диалога, он имеет сутью крыловскую мысль: «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Многие ещё впереди!

Примечания:

1. См. об этом подробно: Виноградов В.Б. Люфт Е.Г. Этюды о А.А. Бестужева-Марлинском на Кавказе. – Москва-Армавир, 2008. с. 23-27.
2. Сошлёмся лишь на соответствующие разделы 2-х новейших обзорноучебных изданий, принадлежащих перу авторитетных специалистов, близко причастных к деятельности нашей Кавказоведческой Школы: Воронкова С.В., Цимбаева Н.И. История России 1801-1917 гг. – Москва: Аспект пресс, 2007, с. 119-139; Захаревич А.В. История Отечества. Учебник. – Москва, 2008, с. 415-421.
3. См., например: Канунова Ф.З. Кавказские повести А.А. Бестужева-Марлинского // Бестужев-Маряинский А.А. Кавказские повести. – Москва, 1995; Архиреев М. Особенности декабристского романтизма в кавказских военных повестях А.А. Бестужева-Марлинского // Мир романтизма. Вып. 6 (30). – Тверь, 2003; с. 209-216; он же. Русская «кавказская» литература 20–30-х годов XIX века и кризис культурно-политического самоопределения в русском обществе // Триста лет российской печати: наследие и современность. – Москва, 2003, с. 78-82; Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. А.А. Бестужев (Марлинский): историко-этнографические реалии повести «Аммалат-бек». – Москва-Армавир, 2009.
4. Архиресв М.В. Кавказская война в русской литературе 1820-1830-х годов. Автореф. дис. ... канд. филологических наук. – Тверь, 2004, с. 4.
5. Народы Кавказа. Этнографические очерки. Том I. – Москва, 1960, с. 88 и сл.; Каневский А. Охоты на Кавказе // Природа и охота. – СПб., 1909.
6. Библиографию см., например: Хутыз К.К. Охота у адыгов. Дикий животный мир. Кн. 2. – Майкоп: Адыгея, 2004, с. 101-132, 229-335.
7. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. с. 25.
8. Цит. по: Хутыз К.К. Указ, соч., с. 103.
9. См., например, соответствующие материалы в сборнике «Археология и вопросы атеизма» (Грозный, 1977), а также: Виноградов В.Б., Межидов Д.Д. Успасв Г.И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Учебное пособие. – Грозный, 1981; Хутыз К.К. Охота у адыгов (эколого-этнографический аспект). Кн. I. Издание второе иллюстрированное. – Майкоп, 2001; и др. (там и обширная библиография).
10. Не составляет труда подтвердить эту тенденцию многими примерами сообщений современников.
11. См.: Народные обычаи Дагестана. – Махачкала, 1983.

III. «Поклянись быть врагом русских...»

Страстное нетерпение и страх не заставить в живых возлюбленную Селтанет безудержно подгоняют Аммалата на горном пути. Он «загнал двух коней и бросил на дороге нукеров своих; зато к концу другого дня был уже невдалеке от Хунзаха» и «затрепетал, когда показали ему из утёсов верхи башен ханского дома...».

Немногословная преамбула к VIII главе повести удивительно достоверно характеризует некоторые особенности «основного ядра» (по определению Е.Н. Кушевой) Аварского ханства (1). Именно Хунзахское плато, на котором в окружении других селений располагалась резиденция аварских ханов или нуцалов, поражало очевидцев причудливостью и суровостью своих ландшафтно-этнографических черт (2), в том числе домами- крепостями и башнями замкового типа, к числу которых в первую очередь относился дворец властителя в столичном ауле (3).

Чрезвычайно калоритен эпизод смертельного поединка на подступах к Хунзаху двух случайно встретившихся на дороге всадников, причём «победитель, хладнокровно отирая полосу (сабли. – *Авт.*), обратил слово к Аммалату» – невольному наблюдателю произошедшего: «– Кстати приход твой! Я рад, что судьба привела тебя в свидетели нашего поединка. Бог, а не я, убил обидчика, и теперь родные его не скажут, что я умертвил врага украдкой из-за камня, не подымут на мою голову мести крови».

На недоумённый вопрос «За что встала ссора у тебя с ним? За что заключил ты её ужасной мезтью?» следует весьма откровенный ответ: «– Этот харам-зада (4) не поладил со мною за поддел грабленных баранов, в досаде мы все их перерезали: не доставайся же никому... И он дерзнул выбранить мою жену... Я было кинулся на него с кинжалом, да нас розняли; мы

стакнулись при первой встрече рубиться, и вот аллах рассудил нас...».

Обращение к сводам обычного права (адатов) северокавказских горцев (5) не оставляют сомнений в том, что писатель-декабрист с большой точностью отразил соответствующий аспект традиционной горской морали.

Столь же правдива и оценка обстановки в ханском дворе в связи с наступившим кризисом в тяжкой болезни Селтанет: «...беготня и плач и вой женщин, будто русские берут Хунзах приступом...». Как раскалённое ядро ворвался во дворец подоспевший Аммалат-бек. «...Задыхаясь, пробежал по переходам до комнаты Селтанеты, опрокидывая, расталкивая нукеров и прислужниц, и, наконец, не приметив ни хана, ни жены его, прорваться до самого ложа больной и почти без памяти упал при нём на колени».

Столь явное нарушение горского этикета «возмутило печальное общество присутствующих», но возвратило к жизни девушку: «она воспрянула... Глаза её заблестали... Ты ли это, ты ли?! – вскричала она, простирая к нему руки. – Аллах берекет (спасибо аллаху. – *Авт.*)... Теперь я довольна! Я счастлива...». И вновь погрузилась в беспмятство. «Прильнув к её порогу, Аммалат рыдал неутешно, то умоляя небо спасти Селтанету, то обвиняя, укоряя его в её болезни».

Писатель не жалеет красок и слов для передачи страданий юноши. «Трогательна и страшна была тоска пылкого азиатца». И она победила: «То, чего не могли или не умели сделать горные врачи, произошло от случая». Селтанета возродилась от близости любимого, от его нескрываемых чувств. И это, разумеется, не только романтическая дань реальности!...

Между тем, отступив от многих исконных канонов горского, так сказать гендерного, поведения влюблённых,

Султан-Ахмет-хан вовсе не отказался от своих планов заполучить душу потенциального жениха дочери, предвидя в нём исполнителя собственных пагубных интриг. «Хан не переставал расспрашивать Аммалата про битвы и походы и устройство войск русских», т.е. выводил у него военные (считайте разведывательные) данные. А по мере того, как близился момент возвращения бека в Дербент, потому что «судьба сковала на меня цепь неразрешимую, цепь благодарности за добро» в виде клятвы верности России начинаются и прямые посягательства на самостоятельность его решений.

Сперва Селтанета переводит нарождающийся конфликт в остро эмоциональное противопоставление их двусторонней любви и дружбы с русскими, иступленно призывая: «О, забудь своего Верховского, забудь русских друзей и дербентских красавиц! ... Забудь войну и славу, добытую убийствами». Её пацифистские тирады имеют простую подоплёку: «Чего недостаёт тебе, чтобы жить мирно и покойно в горах наших? Сюда никто не придёт возмутить оружием счастья душевного. Кровля наша не каплет, плов у нас не купленного пшена, у отца моего много коней и оружия, много казны драгоценной; у меня в душе много любви к тебе. Не правда ли, милый, ты не едешь, ты останешься с нами?».

Возникает вопрос: чего здесь больше – чувственного ослепления, девичьей наивности или женского подогреваемого лукавства. Заманчивая перспектива мало вяжется с уже нажитым опытом пребывания Аммалат-бека во владениях аварского хана. И это ясно понимает он сам и заявляет: «...я не могу, я не должен здесь оставаться! С тобою одной провести жизнь, для тебя кончить её – вот моя первая мольба, моё последнее желание; но исполнение обоих зависит от отца твоего. Священный союз связывает меня с русскими, и, куда хан не примирится с ними, явный брак с тобою не возможен... и не от русских, но от хана...».

- Ты знаешь отца моего, – грустно сказала Селтанета, – с некоторого времени ненависть к неверным усилилась в нём до того, что он не пожалеет принести ей в жертву и дочь и друга. Особенно он сердит на полковника (Верховского. – Авт.) за то, что убил его любимого нукера, посланного за лекарем к гакому Ибрагиму».

Напомним подлинные обстоятельства опасного инцидента у подножья Кавказской стены, отражённые в предыдущей главе (в том числе касающиеся судьбы «любимого нукера»), чтобы крепко усомниться в столь «узкой» мотивировке происходящего. Стоит вслушаться в ответные слова настойчивого соискателя руки и сердца горской красавицы: «– Я уже не раз заводил речь с Ахмет-ханом о моих надеждах, и всегдашним ответом его было: поклянись быть врагом русских, и тогда я выслушаю тебя» (выделено нами, авт.).

И когда Селтанета итожит мучительную дискуссию («Стало быть, надобно сказать прости надежде?»), Аммалат выдвигает и разносторонне обосновывает иную, причем, отнюдь не фантастическую альтернативу: «Зачем же надежде, Селтанета! Зачем не сказать только, прости Авария*... Нукеры мои бесстрашны, кони – ветер, ночь темна; бежим в благодатную Россию куда пойдёт гроза...».

«Брак увозом», т.е. похищение невесты (нередко по её согласию) из семьи родителей – достаточно распространённая форма складывания супружества у всех народов Кавказа (6), включая и дагестанцев, уходящих в границы России (7). Это рискованный и внешне общественно порицаемый вариант вводит в смятение девушку и ставит её в ситуацию личного выбора её совести, т.к. она «очень ведаёт, как стыдно, как неблагоприятно покинуть дом отеческий, огорчить любимых, любящих меня родителей». Но доводы сердечного избранника вполне продуманы и убедительны. И Селтанета принимает собственное нелёгкое решение: «...я бегу с тобою... я твоя!.. Теперь всё кончено:

твоя судьба – моя судьба!.. Любovníки (в смысле влюблённые. – *Авт.*) условились во всех подробностях побега... Поцелуй запечатлел обеты, и счастливые расстались со страхом и надеждой в сердцах».

Однако планы сорваны всё тем же Султан-Ахмет-ханом, и автор вполне прозрачно намекает, что это не случайность. «Безрассудный юноша! Что порука тебе за удачу? Кто уверит тебя, уто твои шаги не сочтены, твои слова не пойманы на лету? Может быть, с солнцем, которое ты бранишь (побег намечен, «когда ночь падёт на землю». – *Авт.*), закатится твоя надежда!». Выразительные штрихи поведения отца и матери Селтанеты в этот день дают право для опасения состоявшегося сговора.

«Едва совершили после обеда обычное умывание рук, хан вызвал на широкий двор Аммалата; там ждали их оседланные кони и толпа нукеров сидела уже верхом.

– Поедем попытать удали новых моих соколов, – сказал хан Аммалату...»

И надо же: вместо охоты аварский владетель одаряет дорогого гостя придорожным эпизодом, ставшим поводом для того, чтобы поставить все точки над «i».

«...Влево, по крутой скале, лепился аварец, забрасывая железные когти, на шесте прикреплённые, в трещины, и потом, на гвозде опершись, подымался выше и выше. На поясе у него была привязана шапка с семенами пшеницы; длинная винтовка висела за плечами...».

Вряд ли эта сцена сама по себе удивила кумыкского бека, прекрасно осведомленного о крайней нехватке у здешних горцев пахотных земель и о многовековых стараниях компенсировать их всеми способами упорного создания

искусственных террас. Нынешний кавказовед подчёркивает: путешественников всегда поражали эти лоскутные, опасные в сооружении и использовании «поля», особенно свойственные подданым аварских ханов (8).

Но Султан-Ахмет-хан использовал этот случай для иной цели. Он остановился и «значительно сказал»: «– Посмотри на этого старика, Аммалат-бек. Он в опасности жизни ищет стопы земли на голом утёсе, чтобы посеять на ней горсть пшеницы. С кровавым потом он жнёт её и часто кровью своей платит за охрану стада от людей и зверей. Бедна его родина; но спроси, за что он любит эту родину, зачем не променяет её на ваши тучные нивы, на ваши роскошные паствы (пастбища. – *Авт.*)? Он скажет: «Здесь я делаю, что хочу, здесь я никому не кланяюсь; эти снега, эти гольцы берегут мою волю». И эту-то волю хотят отнять у нас русские, как отняли у вас, и этим русским стал ты рабом, Аммалат!». Вот и «урок патриотизма», преподанный неслучайно здесь и сейчас...

Не станем всесторонне анализировать ни данный, как будто бы искренний, но на самом деле воинственно лицемерный монолог своекорыстного хана, ни последующую дискуссию, в которой благоразумные аргументы кумыкского бека разбиваются о заданное неприятие их антироссийско настроенным ханом. Итог полемики безапелляционен: «... я не хочу иметь зятём слугу русских... Да обратит алла твоё сердце и приведёт к нам неразделённым другом... До тех пор прощай!»

Все мечты, все надежды рухнули. Морально потрясённый Аммалат изгнан из пригрезившегося было Селтанете рая, имеющего признаки хорошо сконструированной её отцом ловушки для выгодного жениха.

Примечания:

1. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. – Москва: Изд-во АН СССР. 1963, с. 42; Алиев Б.Г., Ухманов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVIII – нач. XIX в. (Кн. I). – Махачкала, 1999, с. 245-255.
2. См., например: Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. – Москва: Искусство, 1988. С. 116-120.
3. Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. – Москва: Изд. «Наука», 1982, с. 23-80.
4. Современные комментаторы текста повести дают пояснение: «харам-зада» – жулик, обманщик (Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах. Т. 1. Повести. Рассказы. Очерки. – Москва: ГИХЛ, 1958, с. 627). Однако близкая знакомая А.А. Бестужева на Кавказе, писательница Е.П.Лачинова под псевдонимом Е. Хамар-Добанов в своём нашумевшем литературном произведении даёт, как представляется, более точный перевод: «Кпрамзада значит по-черкесски разбойник» (см. Хамар-Лобанов Е. Прodelки на Кавказе. – Ставропольское книжное издательство, 1986, с. 116. Подробно об этом произведении см.: Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир. 1993, с. 76-83).
5. См. хотя бы: Леонтович Ф.И. Адаы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I–II. – Нальчик: Эль-Фа, 2002; Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. – Москва-Тбилиси: Международный научно-исследовательский институт народов Кавказа, 2003.
6. Бесчисленные примеры приведены в кавказоведческой историкоэтнографической литературе XIX–XX вв., часть из которой указана в предшествующем изложении.
7. См.: Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в ХVII-первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала, 2007.
8. Марковин В.И. Указ, соч., с. 122.

IV. Приключения у древней стены

Следующая (УН-я) глава повести – это пик замечательного произведения А.А.Бсстужева (Марлинского). Она играет, на наш взгляд, особую роль, будучи вновь выполнена в виде письма полковника Верховского к его желанной и такой далёкой невесте («Прилети ко мне, сердце моего сердца, милая Мария!») и датировано апрелем следующего года.

Письмо начинается лиричным, полным прекрасных подробностей и примет описанием «вешней ночи Дагестана» и Дербента в контексте глубоких и восторженных чувствований влюблённого человека в ожидании долгожданной встречи, которая грезится ему в августе месяце «на Кавказских водах». «...Я считаю песчинки часов, разлучающие нас, считаю вёрсты, между нами лежащие... О, сколько бы жизни отдал я, чтобы приблизить час свидания! Души наши обручены так давно... для чего ж разлучены доселе?...».

В последующих строках начинается пространный и доверительный рассказ о текущей повседневности, ярких эпизодах жизни и главных ожиданиях и переживаниях кавказского офицера, омрачённых неким мрачным предчувствием, поселившимся в нём.

Нам не обойтись вновь без пространных цитаций текста главы.

«Аммалат мой скрытен и недоверчив. Я не виною. Я знаю, как трудно переломить привычки, восанные с матерним молоком и с воздухом родины. Варварский деспотизм Персии, столь долго владевший Адербиджаном, воспитал в татарах самые низкие страсти, ввёл в честь самые презрительные происки. Да могло ли быть иначе в правлении, основанном на размене крупного деспотизма на мелкий, где и самая справедливость суда поражает украдкою, где хищение есть преимущество власти?... Делай со мною, что хочешь, но позволь мне делать с ниж-

ними, что я хочу, – вот азиатское управление, честолюбие и нравственность. От этого каждый, находясь между двумя врагами, привыкал прятать свои мысли, как свои деньги. От этого каждый старался лукавить перед сильным, чтобы добыть через него силу, и перед богатым, чтобы выжать из него взятку угнетением или доносом. От этого здешний скрытность как необходимое оборонительное оружие против явных злодеев своих и тайных недоброхотов? Священные узы родства почти не существуют для азиатда. У них сын – раб своего отца, брат – его соперник. Нет доверия к ближнему, потому что нет верности ни в ком. Ревность к жёнам и подозрение в подысках задушают братство и дружество. Ребёнок, воспитанный матерью-невольницею, не знающий ласки отца и потом задушенный арабскою грамотою, скрывается в самом себе даже и от товарищей; с первых ногтей заботится только о себе. С первым пухом на бороде для него закрыты все двери и все сердца; мужа смотрят на него искося, женщины бегут, как от зверя, и первые, самые невинные движения его сердца, первый голос человечества, первое стремление природы – суть уже преступления перед изуверским магометанством. Он не смеет открыть их родному, доверить приятелю... Он должен даже плакать тайно от других.

И завершение сюжета гласит; «всё это говорю я, милая Мария, в извинение Аммалату: полтора года живёт он у меня и до сих не открылся мне, кого любит, хотя очень мог видеть, что не из пустого любопытства, а из душевного участия хотел я вызнать тайны его сердца. Наконец он рассказал мне всё, и вот как это случилось».

При всём дружелюбии, при всей широте взглядов, полковник демонстрирует ограниченность своих возможностей постижения душевных загадок

дорогого ему партнёра. Светско-салонное любопытство, даже дружеская любознательность и искреннее сочувствие «чужака» плохо совмещаются с традиционной сдержанностью выражения сокровенных чувств кавказца, питаемых отнюдь не только приведёнными мотивами, но всем строем семейно-общественной жизни. А он вовсе не определялся только условиями чистогана и иной корысти.

Оценки Верховского в чём-то точны до пронзительности. Но они не всеобъемлющи для реализации общеизвестного принципа; понять – наполовину простить! Скажем больше: в них постепенно накапливается основа для взаимного отчуждения, некой искусственности возникающей конструкции дружбы. И это, несмотря на различные чрезвычайные обстоятельства и происшествия, подталкивающие двух героев друг к другу. Самоочевидна правота тех, кто утверждает, что «пути понимания – это пути перевода с языка одной культуры на язык другой» (5). Приходится только сожалеть, что полковник Верховский не обладал должным даром в достаточной степени.

Притом художественный образ этот в повести достоин самого высокого уважения своими стремлениями. Вот ещё, например, один эпизод, демонстрирующий внутреннее сходство его с чертами самого писателя...

«Вчера я выехал с Аммалатом прогуляться за город. Мы поднялись по ущелью в гору, на запад; далее и далее, выше и выше, мы незаметно очутились подле деревни Кемек, рядом с которой видна уже стена, защищавшая Персию от набегов кочевых народов закавказских степей, часто громивших её границы...»

Так начинается описание ярчайшего историко-культурного феномена Дагестана и всего Кавказа, известного науке под названием «Кавказская стена». Настоячиво подчеркнём, что речь здесь идёт не об уникальном архитектурном комплексе Дербентской крепости и её величественной цитадели,

Нарын-кала, многократно отражённой в специальной литературе, венчающей трудами наших дней (6). Объектом авторского интереса, приписываемого в данном случае полковнику Верховскому, является так называемая Горная стена («Даг-бары»), имеющая собственную историографию, определённые итоги которой подведены сравнительно недавно (7). В высшей мере знаменательно, что эта достопримечательность была удостоена вниманием А.А. Бестужева (Марлинского) в его очерке «Кавказская стена», предшествующем повести «Аммалат-бек» и начинающемся словами: «Сейчас из седла пишу вам. Я ездил осматривать отрывок той славной стены, которая делила древний мир с миром неведомым, то есть Европою, которая была построена персами, а может быть и медами, от набегов нас, варваров...» (8).

Пространный этюд, включённый в текст «Кавказской были», интересующей нас, не просто содержателен, но прямо выдаёт исследовательские, научные, историософские склонности и таланты выдающегося писателя – одного из первооткрывателей Кавказа в России. Приведём его полностью.

«...Дербентская летопись (Дербентнаме) приписывает, но неверно, её (ту самую стену, начинающуюся от юго-западной угловой башни цитадели Нарын-кала. – Авт.) незапамятную постройку какому-то Исфендиару; вот начало молвы, передавшей сей труд Искендару, то есть Александру Великому, никогда в этих краях не бывавшему. Царь Нуширван открыл, возобновил её, поселил при ней стражу. Не раз впоследствии была она поправляема и снова падала в прах, зарастала, как теперь, вековыми деревьями. Осталось поверье, будто стена эта от Каспия шла до Чёрного моря, пересекая весь Кавказ, имея крайними железными воротами Дербент, а средними Дарьял; но это более чем сомнительно вообще, хотя несомненно в частном. Следы её, видимые далеко в горах, прерываются только обрывами и ущельями до во-

енной дороги, но оттуда к Чёрному морю, кажется, по Мингрелии, нет никаких признаков продолжения.

Я с любопытством рассматривал эту огромную стену, укреплённую частыми башнями, дивясь величию древних, даже в самых безумных прихотах деспотизма, величию, до которого достигнуть не дерзают и мысляю, не только исполнением, нынешние женоподобные властители Востока. Чудеса Вавилона, Меридово озеро, пирамиды фараонов, бесконечная ограда Китая и эта стена, проведённая в местах диких, безлюдных, по высям хребтов, по безднам ущелий, – свидетели железной, исполинской воли и необъятной власти прежних царей. Ни время, ни землетрясения не совершенно разрушить трудов тленного человека, и пята тысячелетий не совсем раздавила, не совсем втоптала в землю остатки древности незапамятной. Места эти возбуждали во мне ещё благоговейные думы... Я бродил по следам великого Петра, я воображал его, основателя, преобразователя юного царства, на сих развалинах дряхлеющих царств Азии, из среды коих вырвал он Русь и мощной десницею вкатил в Европу. Какой огонь сверкал тогда в орлином взоре его, брошенном с выси Кавказа! Какие гениальные думы звездилась в уме, какие святые чувства вздымали геройскую грудь! Великая судьба отечества развивалась перед его очами, вместе с горизонтом; в зеркале Каспия зрелась ему картина будущего благоденствия России, им посеянного, окропленного кровавым его потом. Нс пустые завоевания, но победа над варварством, но благо человечества были его цслю. Дербент, Бака, Астрабат – вот звенья цепи, которую он хотел опутать Кавказ и связать торговлю Индии с русскою. Полубог севера! Ты, которого создала природа, чтобы польстить гордости человека и привести в отчаяние недоступным величием! Твоя тень возникла передо мной, огромна и лучезарна, и водопад веков, казалось, рассыпался в

пену у твоих стоп. Задумчив и безмолвен ехал я далее.

Кавказская стена одета с севера тесаными плитами, чисто и крепко на извести сложенными. Многие зубцы ещё целы, но слабые семена, запавшие в трещины, в спаи, раздирают камни корнями деревьев, из них произросших, и в союзе с дождями низвергают долу громады, и по развалинам всходят, будто на приступ, раины, дубы, гранаты. Орёл невозмутимо вьёт гнездо в башне, когда-то полной воинами, и на очаге, внутри её, холодном уже несколько веков, лежат свежие кости диких коз, натасканные туда чакалами. Инде исчезал вовсе след развалин, и потом отрывки стены возникали снова из-под травы и леса...».

Невольно возникает мысль, что подобный детализированный, крепко фундированный очерк о малоизвестной в Смоленске дагестанской достопримечательности вряд ли уместен в приватном письме к любимой женщине. Ведь сам по себе он достаточно инороден сути обсуждаемых вопросов, да и, по нашему разумению, превышает меру компетентности пусть даже и образованного армейского полковника. Зато он абсолютно соответствует общеисторическим, в том числе востоковедческим, знаниям и представлениям писателя-декабриста с его ярко выраженными аналитическими дарованиями и исследовательскими наклонностями.

Этот фрагмент мнимого письма Веховского в кавказской повести, снабжённый ещё и примечаниями самого А.А. Марлинского, достоин специального рассмотрения, что не входит в сегодняшние наши планы.

Обозначим лишь единственную проблему: оценку личности и деятельности Петра I. Озабоченный «будущим благоденствием России, им посеянного, окропленного кровавым его потом», первый российский император не преследует в прибрежье Каспийского моря цель «пустых завоеваний», но решает иные высокие задачи. И прозорливость

автора находит веские подтверждения. Вот, например, мнение новейшего обобщающего труда, написанного историками отнюдь не «слепо патриотической ориентации»: «Пётр I обращал особое внимание на прикаспийские области... Он рассчитывал перенести мировую торговлю шёлком с константинопольского пути на Астрахань, ставшую к тому времени для Петербурга отправным пунктом различных военных и дипломатических предприятий на Востоке. Осуществление этих планов сулило России заманчивые перспективы в международной посреднической торговле» (9).

Ограничимся пока сказанным, и вернёмся к тексту повести.

«...Так проехав версты три вдоль, достигли мы до ворот и проехали на южную сторону, сквозь свод, подёрнутый мохом и кустарником. Не успели мы сделать двадцать шагов, как вдруг, за огромною и высокою башнею, нагнулись на шестерых вооружённых горцев, по всем приметам принадлежавших к разбойничьим шайкам вольных табасаранцев. Они лежали в тени, близ пасущихся коней своих. Я обомлел...».

Вновь демонстрируется предельная историкоэтнографическая точность.

В этом районе Южного Дагестана испокон веков обитали табасаранцы – достаточно многочисленный народ, который в «период со 2-й пол. XVIII – по нач. XIX в. Характеризуется дальнейшим расширением взаимоотношений с Россией и присоединением края к русскому государству (1813 г.)» (10). При этом, «Табасаран продолжал оставаться раздробленным» в виде феодальных владений – майсумства и кадийства и союза сельских обществ Табасарана (11). Представители таковых были отмечены в активном участии в местных общественных процессах, в том числе и в системе набегов и захватов пленников и добычи у самых разнообразных соседей.

Полковник Верховский был совершенно прав в своём решении: «ска-

кать назад было невозможно по куштам и камням; драться с шестерыми удалцами было бы отчаянно; со всем тем я схватился за седельный пистолет...». Тихая реплика Аммалата («Не беритесь за оружие, или мы погибли») разрядила ситуацию, переводя её в плоскость диалога, когда «широкочечий, видный с самым зверским лицом лезгин» (12) – атаман «бандгруппы» и, как оказалось, личный знакомец кумыкского бека по имени Шемардан, самым доступным образом и не без издёвки обрисовал «милым гостям» текущий момент разбойничьих буден, увенчавшихся редкой удачей: «аллах смилостивился: в руки дал богатого бека и русского полковника».

Аммалат пытается предостеречь от излишнего оптимизма: «Не продавай сокола в небе, продавай, когда посадишь его на перчатку». А на прямой вопрос: «Послушай! Неужели вы думаете убежать от меня? Неужели дерзнёте защищаться?» отвечает взвешенно и вполне разумно: «Будь покоен. Что мы за глупцы – идти двум на шестерых? Любо нам золото, однако душа дороже. Попались, так нечего делать; лишь бы ты не заломил беспутной цены за выкуп. У меня, сам ты знаешь, ни отца, ни матери, а у полковника и по-давно ни роду, ни племени».

Предводитель «шайки» возражает: «– Нет отца, так есть наследство от отца. Ведь мне с тобою не роднёю считаться. Впрочем, я человек совестливый: нет червонцев, так я возьму и баранами; а про полковника ты не пой мне песен: я знаю, что за него отдадут все солдаты последнюю пуговицу с муцира». И поясняет: «Уж коли за Шевцова дали «выкупу десять тысяч рублевиков, за этого дадут и больше...».

Так раскрывается механизм получения вознаграждения за пленных людей, демонстрируется разнообразная осведомлённость набегчнков, включающая точные сведения о высоком авторитете русского офицера у его подчинённых, и даже приводится конкрет-

ная аналогия – на шумевшее пленение майора Шевцова в феврале 1816 г. чеченцами с последующим выкупом его А.П. Ермоловым (13).

Складывается впечатление, что роковой торг вот-вот завершится. Шмардан, довольный, замечает: «Впрочем, увидим, увидим! Коли будете смирны... Я ведь не джсуд (жид) какой, не людоед, первиадер (всевышний) прости». «Ну, то-то же, приятель, корми да пои нас хорошенько, так присягу даю и честью моей заверю, мы не задумаем ни бить тебя, ни бежать от тебя».

...Бдительность «шайки» и её атамана усыплена. Лезгин предводитель после слов «– Верю, верю! Люблю, что без шума дело сладили» переходит к «светской беседе»: «Какой ты молодец стал, Аммалат: конь не конь, ружьё не ружьё, загляденье, да и только! Покажи-ка, друг, кинжал свой? Верно, кубачинская насечка на ножнах?».

В самом деле, учитывая буквально культовый характер отношения кавказцев к оружию (14), среди которого особенно ценились непревзойдённые образцы кинжалов кубачинских мастеров (15), подобный поворот беседы весьма естественен. Казалось бы, принимает его и Аммалат, поясняя: «– Нет, кизлярская. Да клинок-то посмотри: диво! Гвоздь пополам, словно свечку. На этой стороне имя мастера: на, хоть сам читай: Али-уста Казанищский (16).

И между тем, он повёртывал обнажённым клинком перед глазами жадного (и, добавим, доверчивого. – *Авт.*) лезгина, который хотел показать, что знает грамоте, и со вниманием разбирал связную надпись...».

Здесь и наступает развязка. «Но вдруг кинжал сверкнул как молния: Амалат, улуча миг, рубнул Шемардана по голове со всего размаху, и удар был столь жесток, что кинжал остановился в зубах нижней челюсти... Не сводя глаз с Амалата, я последовал его примеру и положил из пистолета ближайшего ко мне разбойника, державшего за узду моего коня. Это было знаком к бегству остальных бездельников,

как будто со смертью атамана расторгся узел своры, на которую были они привязаны».

Аммалат-бек занялся, «по азиатскому обычаю», сбором трофеев и с удивлением выслушал выговор полковника «за его притворство и клятвы перед разбойником: «Чудной вы человек. Этот злодей наделал исподтишка русским тьму вреда, то поджигая стоги сена, то уводя в плен одиноких солдат-дровоссков! Знаете ли вы, что он бы замучил, истерил нас, для того, чтобы мы пожалобнее писали к своим и тем более дали выкуп». Верховский настаивает: «Всё это так, но лгать, но клясться не должно ни в шутке, ни в беде...». Аммалат упорно парирует доводами традиционной горской этики. Полковник как бы подводит итог: «Я качал голову. Азиатское коварство хотя и спасло меня, но не могло мне понравиться. Какую веру я могу иметь к людям, привыкшим играть честью и душою». И это вновь – след не преодолеваемых противоречий.

Тут оказалось, что жертва выстрела полковника не убита, а лишь тяжело ранена и умоляет «не покидать его на съедение зверям лесным. К тому же он оказывается одним из нукеров Султан-Ахмет-хана Аварского, посланным за лекарством к некому «славному гакиму (доктору) Ибрагиму, за какой-то травой, что, говорят, всякую болезнь как рукой снимает». Но, повстречав по дороге Шемардана поддался его уговорам: «поедем да поедем со мной наездничать, из Кубы едет армянин с деньгами...». Всё это вполне соответствует местным нравам и их восприятию со стороны русского офицера!

Когда же Амалат узнал, что лекарство предназначалось тяжело заболевшей дочери хана Ссланстс, находящейся «при смерти», о чём сообщалось в «писании к лекарю» («серебряная трубочка, в которую положена была свитая бумажка»), произошёл эмоциональный взрыв.

Потрясённый обрушившейся на страстно влюблённого и тоскующего

в одиночестве юноши страшной новостью, Аммалат-бек раскрывает спутнику свою душевную тайну и умоляет его отпустить к несчастной «хоть ещё однажды взглянуть на неё...».

Ход мыслей Верховского таков: «Но время было упрекать в недоверчивости, ещё менее представлять причины, по которым ему было неприлично ехать ко врагу русских. Есть обстоятельства, перед которыми рассыпаются в прах все приличия, и я чувствовал, что Аммалат находился в подобных. На свой страх решился я отпустить его...». Вполне гуманное и не всякому доступное решение. Но оно финально мотивировано так: «Кто обязывает от чистого сердца и скоро, тот обязывает дважды, – моя любимая пословица и твёрдое правило...». Сознавая правомерность такого расчёта, следует, однако, напомнить, что одно из установлений православия гласит: «За доброе дело не ждут ответной да-

чи» (17). В этом тоже моральная уязвимость воспитательного метода полковника, которую он вряд ли осознает...

«...Мы завезли раненного аварца к гакому Ибрагиму, взяли у него по рецепту ханскому травы целительной. И через час Аммалат-бек с четырьмя нукерами выехал уже из Дербента...».

Описав своей невесте всё случившееся, Евстафий Иванович, здраво рассуждает в конце письма: «Хан, отец Селтансты, – непримиримый враг России, тем более, что, будучи взыскан царскими милостями, он изменил оным; следственно брак (между влюблёнными. – *Авт.*) возможен только в том случае, если Аммалат изменит русским или хан смирится перед ними и будет прощён; обе вещи малосбыточные...».

Так интрига протягивается в последующее содержание «Кавказской были».

Примечания:

1. Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. А.А. Бестужев (Марлинский): историко-этнографические реалии повести «Аммалат-бек» (Часть 1). – Москва; Армавир, 2009, с. 39-41.
2. См. предыдущее письмо Верховского (с. 479).
3. Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII-XIX вв. – Махачкала, 2007.
4. Примеры такого тротирования легко предоставляются произведениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других литераторов. Обобщающий сборник статей см.: Армяне Северного Кавказа. – Краснодар, 1995.
5. Олейников ДИ. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. – Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2001, с. 82.
6. См., например: Кудрявцев А.А. Мусульманский юрод Дагестана. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1994; он же. Пути развития севсрокавказского города по материалам Дербента домонгольской поры. – Ставрополь, 2003; Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А. Периодизация развития отраслей ремесленного производства средневекового города (по материалам Дербента VI–XVIII вв.). – Ставрополь, 2005. Там и обширная библиография.
7. Хан-Машмсов С. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. – Москва: Наука, 1979.
8. Цит. по: Дюма А. Кавказ. – Краснодар, 1992. с. 168; Олейников Д.И. Указ. соч. С. 77.
9. Сравните: Северный Кавказ в составе Российской империи. – Москва: Новое литературное обозрение. 2007, с. 35 и сл.; Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы научно-педагогического семинара. Вып. 11). – Москва; Армавир, 2008.
10. Гасанов М.Р. Табасаранцы // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. I. Народы Юга России. – Ростов-на-Дону; Изд-во СКНЦВШ. 2005, с. 198-200 (там и библиография).
11. См., Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. (Кн. II) (Историческая география Юж-

- ного Дагестана). – Махачкала. 2001, с. 131-165, 227-235.
12. Не исключено, что это – указание на полиэтничность встретившегося отряда. Но не нужно забывать, что табасараны и лезгины – близкородственные народы, говорящие на общем языке. См.: Народы Кавказа. I. – Москва: АН СССР. 1960, с. 503-528.
  13. См. об этом, например: изданные в Тифлисе Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тома V (1873 г.), с. 874-877, VI, ч. II (1875 г.), с. 21, 497-498; Семёнов Л.П. Пушкин на Кавказе. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское гос. изд-во. 1937, с. 30-31.
  14. Об этом см.: Аствацатуров Э. Оружие народов Северного Кавказа. История оружия. – Москва: Хоббикнига. 1995
  15. «С XVIII–XIX вв. особенно широкое развитие получило у кубачинцев (малая народность Дагестана, этническая группа даргинцев) производство художественно отделанного холодного и огнестрельного оружия – кинжалов, шашек, кремнёвых ружей и пистолетов»: Мамаев М.М. Кубачинцы // Энциклопедия культур..., с. 150-152 (там и библиография).
  16. Прикаспийский город Кизляр – своеобразная российская столица на Северном Кавказе вплоть до конца XVIII в. – вбирал в состав своего населения и поликультурного обличил многие черты соседних, включая и горнодагестанских народов. См., например: Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII-первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. – Махачкала. 2004; она же. Административная и культурная роль городов-крепостей в политике России на Северо-Восточном Кавказе в ХМИГ первой половине XIX века. – Махачкала. 2008.
  17. Личутин В. Раскол. Исторический роман в трёх книгах. Книга I. Венчание на царство. – Москва: Изд-во «Информпечать» ИТРК РСПП. 2000, с.24.

V. «Ты должен убить Верховского»

Потрясенный объяснением Султан-Ахмст-хана («мы расстанемся добрыми друзьями; но здесь увидимся только родными, не иначе. Да обратит алла твоё сердце и приведет к нам нераздельным другом... До тех пор прости!»), Аммалат покидает Хунзах.

«В главе IX «через три месяца» он – «изгнанник рая» – пребывает в составе полка Верховского в селении Кяфир-Кумык «для укрощения мятежных дагестанцев». Его «палатка разбита была рядом» с палаткой полкового командира. В ней и происходит диалог безмерно тоскующего Аммалата с его наперсником – молочным братом и ближайшим здравомыслящим нукером Сафир-Али. Последний прекраснотушничает, «развалившись небрежно на ковре» и «потягивая донское вино, несмотря на запрещение пророка».

Совершенно в другом настроении находится бек. «Тоска источила его, досада пролила желчь на его прежде радушный нрав. Он принёс жертву своей привязанности к русским и, казалось, упрекал в ней каждого русского. Неудовольствие пробивалось в каждом его слове, в каждом взгляде».

Светская болтовня вокруг проблемы выпивки, от которой «в этот раз» решительно отказывается Аммалат вопреки даже поэтическим доводам средневековых восточных поэтов Гафиза и Саади, внезапно переходит в болезненное русло.

Сафир-Али провозглашает: «...Нутка, за здоровье русских!» – и тут же получает вопрос: «Что полюбили тебе эти русские?», на что резонно отвечает: «Скажи лучше от чего разлюбил ты их?».

Аммалат раздражённо делится болевым: «– Оттого, что разглядел поближе. Право, ничем не лучше наших татар. Так же падки на выгоды, так же охочи пересуживать, и не для того, чтобы исправить ближнего, а чтобы извинить себя; а про лень их говорить не-

чего. Долго они властвуют здесь, а что сделали доброго, какие ввели полезные обычаи, чему нас выучили, что устроили они порядочного! Верховский открыл мне глаза на недостатки моих одноземцев, но с этим вместе я увидел и недостатки русских, которые тем больше непростительны, что они знают полезное, выросли на добрых примерах, и здесь, будто забыв своё назначение, свою деятельную природу, понемногу утопают в животном ничтожестве».

В этом остро полемическом по сути устном размышлении много явного и скрытого смысла, порождённого не только особенностями личного состояния героя, но и его прямой причастностью, приобщённостью к нелёгкому процессу взаимного узнавания и притирания друг к другу русской и горской среды. Он олицетворял выработку ранее недостижимого фактора реального совмещения субъектов уже формирующегося контактного поля. Причём степень его осмысления, естественно, проистекает из немалого опыта пребывания в нём самого Амалат-бека, от его субъективных ощущений.

Вместе с тем бесспорно, что всё это – порождение и следствие крайне непростого, но объективно протекающего складывания феномена «российскости», о котором речь так или иначе идёт постоянно и в нынешнем нашем комментарии (1) и в обрамляющей его новейшей историософской литературе (2).

Поэтому столь уместно и многозначительно звучат отрезвляющие от односторонности и крайности оценок реплики Сафир-Али.

Только что процитированному пассажи о ничтожестве последствий «владения» русских в Дагестане он противопоставляет свой вопрос: «– Надеюсь, ты не включаешь в это число Верховского?». И когда Амалат вынуж-

ден признать: «– Не только его, и других наберём в особый круг; зато много ли их?», молочный брат и бессменный спутник его с полным знанием дела отвечает: «– Ангелы в небе на перечёте Аммалат-бек, а Верховскому, право, хоть молиться можно за его правду, за его доброту. Есть ли хоть один татарин, который бы сказал про него худо?.. Есть ли солдат, что не отдаст за него души?»...

Следует тост: «Ну-тка, за здоровье Верховского!». И тут оказывается, что без меры возбуждённый Аммалат категорически отказывается его поддерживать, выстраивая систему своих доводов для мотивировки того, что он «очень сердит» на полковника, не позволяющего ему очередного отъезда в Аварию в ответ на невнятные намёки Султан-Ахмет-хана: он, верно, смягчился, когда присылал сказать, что желает видеть меня, а я не могу спешить к нему, лететь к Селтанете!».

Сафир-Али пытается урезонить: «... Ты думаешь об одной любви своей, Верховскому же надобно хранить без пятна и твою и свою честь, а вы оба окружены недоброхотами. Поверь, что так или иначе, только он вылечит тебя».

Куда там! «Кто просит его лечить меня? Эта божественная болезнь, любовь – моя единственная отрада! И лишить меня се – всё равно, что вырвать из меня сердце за то, что оно не умеет биться по барабану...».

В этих строках прочитывается как бы ещё одна знаменательная ассоциация. Неистовый, почти невменяемый в своей всепоглощающей страсти Аммалат привычно воспринимает любое противодействие как покушение, посягательство на дарованную ему природой и воспитанием право на внутреннюю волю в своих поступках и намерениях. Выше показано, что эту фундаментальную черту горского менталитета писатель-декабрист засвидетельствовал не раз.

Но ведь и А.С.Грибоедов в письмах конца 1825 г., обращаясь к военному

противоборству на Северном Кавказе, ведёт речь о «борьбе горной и лесной свободы с барабанным просвещением», причём ни одна из сторон не вызывает восторга у великого российского «устроителя» Кавказа, не является его идеалом при раздумьях о будущем народов. Об этом написано немало, в том числе и в кругу той кавказоведческой Школы, которую мы представляем (3). Переключка мыслей в творчестве обоих знаковых фигур литературно-художественного открытия кавказской специфики налицо!

Заметим к слову, что в огромной по составу историографии, связанной с соответствующими страницами судьбы русских писателей, в массе своей проглядывает тяга к идеализации их взглядов на реалии горской истории, культуры, повседневности и якобы безоговорочного осуждения политики, проводимой здесь царизмом. На самом деле, всё выглядело значительно сложнее, что требует пристального, системного исследования на нынешнем этапе научного познания. И первые образцы такого рода уже появляются, как например, в ценной монографии К.Ф.Дзамихова «Адыги: вехи истории» (4).

Однако вернёмся к тексту повести.

Дискуссия молочных братьев прерывается внезапным и настороженным появлением «незнакомого татарина», который с соблюдением всех предусмотренных конспирологических норм «азиатского» общения, зафиксированных писателем, обеспечивает тайную встречу Аммалат-бека и аварского хана. Он представляется как Самит – «дербентский житель, секты сунни» служащий в отряде, «в числе мусульманских всадников». То есть поручение российского ненавистника Султан-Ахмет-хана выполняет «мирной кавказец» из формирования проправительственной «горской милиции» (5). Верный Сафир-Али сопровождает бека, открыто высказывая ему своё недоверие «этой разбойничьей харе». Но опытный любовью Аммалат убеждён,

что «этот косой прислан от друга. Он не изменит нам».

В труднодоступной потаённой пещере ждал Султан-Ахмет-хан: «ружьё со взведённым курком лежало у него на коленях». Сразу же после взаимных приветствий, в которых Амалат, похоже, более эмоционален, его аварский визави берёт, как говорится, быка за рога и в порядке провозглашения цели «важного дела» поясняет: «Ты и был им (другом. – Авт.) и навсегда бы остался им, если б между нами не прошёл лукавец Верховский». Слабая попытка оспорить это обвинение получает жёсткий отпор и разговор тут же переходит в самую болезненную для юного бека плоскость «того, что касается до Селтанеты».

Без всяких обиняков сообщается: «Амалат, тебе известно, что ей нельзя век сидеть в девах. Это был бы зазор моему дому, и откровенно скажу, что за неё уже сватаются».

«Сердце будто оторвалось в Амалате: долго он не мог собраться с духом. Наконец, оправясь, он произнёс дрожащим голосом: – Кто этот смельчак жених?...».

И слышит, что он второй сын шамхала Абул-Мусселим, следующий после Амалата «по высокой крови своей» наследник тарковского владыки и «больше других горских князей» имеющий права на ханскую дочь Селтанету. Именно последнее разогло гнев «вспыльчивого бека». Но Султан-Ахмет-хан немедля ставит свое условие поддержки и дружбы: «Забудь, что ты судья в своём деле, и реши: что должно нам делать? Ты не хочешь расстаться с русскими, а я не могу с ними помириться».

Со всей искренностью Амалат «ручается головою и честью Верховского, который не раз обещал мне ходатайство, что для собственного блага, для спокойствия аварцев, для счастья твоей дочери и моего блаженства...», всё прошлое «будет забыто, всё прежнее возвращено тебе» – только «склонись к примирению» с российскими властями.

Но хан не реагирует на это предложение, тут же выдвигая новую версию, согласно которой сам шамхал не может и не хочет ни в чём поощрять Амалата, пребывающего «в милости у русского правительства» и вернувшегося отцу «слепую дочь его», т.е. свою первую жену. «Он не скрывает к тебе своей ненависти». И тут же подкрепляет свои наветы и подлые намёки откровенной и тщательно продуманной ложью и клеветой: «Главное желание моё свидеться с тобою было долгом предупредить тебя. Святая Селтанету, мне дали от шамхала почувствовать, что через него я могу вернее примириться с русскими, нежели чем через безвластного Амалата что тебя скоро удалят так или сяк, безвозвратно...Я подозревал ещё более, и узнал более, чем подозревал. Сегодня я перехватил шамхатского нукера, которому были поручены переговоры с Верховским и пытку выведаль от него, что шамхал даёт пять тысяч червонцев, чтобы извести тебя. Верховский колеблется и хочет сослать только в Сибирь навечно. Дело ещё не решено, но завтра отряд идёт по домам, и они согласились съехаться в твоём доме, в Буйнаках, торговаться о крови или кровавом поте твоём: будут составлять ложные доносы и обвинения, будут отравлять тебя за твоим же хлебом и ковать в чугунные цепи, суля золотые горы».

«Жалко было видеть Амалата во время этой ужасной речи. Каждое слово, как раскалённое железо вторглось в сердце его...». Необузданный нрав, безумная страсть, слепая доверчивость к выдумкам мнимого друга, отсутствие рядом здравомыслящего Сафир-Али, предусмотрительно оставленного хитроумным Самитом на подходах к пещере, хроническая подозрительность к действиям русских друзей и необоснованная личная обида на полковника predeterminedли финал: «...дикий зверь, которого держал в усыплении Амалат, сорвался с цепи: поток проклятий и угроз пролил из уст разъярённого бека. Месть!

Мечь! – восклицал он. – Неумолимая мечь, и горе лицемерам!».

Известно – сон разума рождает чудовищ... Тем более, если рядом прожженный подстрекатель, умело направляющий попавшую в западню несчастную жертву!

Нет нужды пересказывать дальнейшие изощренные понукания коварного хана, озабоченного собственными корыстными планами. Их пронизывают предательские замыслы по отношению к соседнему Тарковскому шамхальству и патологическая ненависть к русским (6). А приманка в капкане – судьба родной дочери.

Отсекая вес пути последующих мирных перспектив, Султан-Ахмет-хан ставит ультиматум: «ты должен убить Верховского» и подводит итог своим интригам так: «Я вижу, Аммалат, что без меня ты ни на что не решишься даже на женитьбе на Селтанете. Слушай: если ты хочешь быть достойным зятем моим, первое условие – смерть Верховского. Его голова будет калым (выкуп за невесту. – *Авт.*), которую ты любишь, которая любит тебя. Не одна мечь, но и самая здравая расчётливость требует смерти полковника. Без него весь Дагестан останется без головы и оцепенеет на несколько дней от ужаса. В это время налетим мы на рассеявшихся по квартирам (зимним. – *Авт.*) русских. Я сажусь на коня с двадцатью тысячами аварцев и акушинцев, и мы падём с горы на Тарки, словно снежная туча. Тогда Аммалат – шамхал дагестанский – обнимает меня как друга, как тестя. Вот мои замыслы, вот судьба твоя! Выбирай любое – или вечную ссылку, или смелый удар, который сулит тебе силу и счастье. Думай, решайся; но знай, что в следующий раз мы встретимся или родными, или врагами непримиримыми!».

Провозгласив такую программу, «хан исчез».

Аммалат, обуреваемый, пожираемый новыми ужасными чувствами, в сопровождении «таинственного провожатого» – Самита и «не отвечая ни

слова на тысячи вопросов Сафир-Али» возвращается в лагерь, в свою палатку, где ждали его «все муки душевного ада».

Резюме А.А.Марлинского таково: «Тяжка первая ночь бедствия, но ещё ужаснее первая ночь кровавых дум злодейства». Она как бы задаёт тон оценке последующих событий, запечатлённых в «Кавказской были» – повести «Аммалат-бек» и инспирированных её героями, вовлечёнными в амбициозные планы домогательства места «шамхала дагестанского», т.е. «вали» – верховного правителя – с враждебной России политикой.

Развитие и обострение подлой ситуации происходит в следующей, X главе повести. А.А. Марлинский переносит нас внутрь сакли вблизи «палат бекского дома, которая была подарена» обладательнице «её воспитанником».

С первых же строк писатель вновь демонстрирует детальное знание этнографических сведений. «Мамка Аммалата» – старуха Фатма малосимпатичной внешности – оказывается «татаркой», т.е., по терминологии произведения, как бы и кумычкой, проживающей в Буйнаках. Но дальнейшее изложение не оставляет сомнений в том, что она урождённая аварка, не видевшая «родимых гор... с тех пор, как увезли меня эти проклятые татары и выдали замуж за немилого». Разговаривает она по-кумыцки, и по-аварски, унимая всеми народными способами маленького внука, «плачущего от безделья» в разгар ненастной ночи. «Лицо старухи было покрыто морщинами и выражало какую-то злую досаду, обыкновенное следствие одинаковой, безрадостной жизни всех мусульманок. Как достойная представительница своих ровесниц и землячек, она ни на одну минуту не переставала ворчать про себя и вслух бранить внука», пугая его под шум «крупного дождя по плоской крыше» и «стон ветра в трубе» всякими страшилками и обзывая «харамзада», что в данном случае переводится автором как «бездельник, сын позора» (7).

Весьма достоверно воспроизведены в начале главы внешний вид и интерьер небедный интерьер 2-комнатной сакли Фатимы (8), чей зять «в нукерах при Аммалат-бске», властью своей освободившим хозяйку «от постоя, а на угощение приезжих дармодедов» она не тратила «ни яйца, не то, чтобы утенка». Горделивая фраза: «Разве я даром выкормила грудью Аммалата?» даст ясный ответ на вопрос о нсрядном социальном статусе состарившейся женщины (9).

Именно к ней глу бокой ненастной ночью примчался Султан-Ахмст-хан, преодолев немалое расстояние от места тайной встречи с Аммалат-бском. И было, оказывается, почему спешить!

Фатьма не сразу открыла дверь неперпеливому визитёру, пытаясь всячески отговориться: «Какой добрый человек пойдёт ни свет, ни заря в дом к бедной старухе! Если ты шайтан (т.е. дьявол. – *Авт.*), ступай к соседке Кичкине: ей давно пора показать дорогу в ад! Если чоуш (десятник), что, правду сказать, немножко похуже шайтана, то убирайся прочь...». И только прямые угрозы и брань: «Да отворишь ли ты, чёртово веретено? Или я из этой двери не оставлю тебе на гроб дощечки!» обеспечила встречу.

Незванный гость «был в черкесском платье; с башлыка его и белой бурки струилась вода; он без всяких обвиняков сбросил её на перину и начал развязывать лопасти башлыка, которые закрывали ему лицо до половины (10). Фатьма, вздв в это время свечу, стояла перед ним со страхом и трепетом...». Вот тут-то она и узнала «своего старого господина! Прости, хан, старухе». Тон её стал необычайно угодлив.

После нескольких слов комплиментов и воспоминаний о «родимых горах Аварии» состоялось категорическое объяснение: «Душе ханской угодно, чтоб ты его попотчевала своей доброй волею... Сослужи мне службу языком». Немедленно определена и «цена вопроса»: «Я подарю тебе десять

баранов и одену в шёлк от головы до башмаков...».

Пришедшей в восторг «мамке» поручается поссорить своего воспитанника с полковником Верховским в ходе их встречи в Буйнаках с шамхалом тарковским... Для этого нужно обрушить на Аммалата заведомую ложь о якобы подслушанном разговоре, когда-де шамхал «жаловался на отсылку дочери, что он ненавидит бека из боязни, чтобы он не завладел шамхальством, что он умолял полковника позволить убить Аммалата из засады или отравить в кушанье, а тот соглашался только заслать его в Сибирь за тридевять гор». Хан советовал больше всего упираться на то, что полковник, едуци в отпуск, возьмёт Аммалата с собою в Георгиевск, «чтобы разлучить с родными и преданными нукерами и оттоле скованного отправить к чёрту».

Злокозненный хан разработал весь сценарий этой клеветы и требует, учит, чтобы Фатьма как можно убедительнее сыграла отведённую ей постыдную роль.

«– Я знаю, что Аммалат верит тебе крепко, и если ты для пользы его же хорошо сладить дело, он уедет ко мне и тебя привезёт туда же. Заживёшь под моим крылышком припеваючи...». Получив бурно выраженное согласие, хан скрепляет его тут же воздаянием золотого червонца (к вящему восторгу «окадной старухи»), И сам же с презрением взглянул на это раболепно ползающее существо, выходя из сакли. – Гадина, – проворчал он, – за барана, за кусок парчи готова бы ты продать и тело дочери, и душу сына и счастье воспитанника!».

Однако, по словам автора повести, «он не подумал, какое имя заслуживал он сам, опутывая друга коварством и нанимая для низкой клеветы, для злодейских намерений подобных существ...».

...Судя по всему, этой же ночью полковник Верховский в «лагере близ селения Кафир-Кумык» писал очередное

письмо к своей невесте. Его «отрывок» составляет вторую часть X главы.

В нём сделана попытка рассказать о степени любви Аммалат-бека к предмету своего обожания, т.е. Селтанет. Она характеризуется как «исступление», «тропическая страсть», порождающая «огнедышащее красноречие», чередующееся с приступами глубокой депрессии.

«Он убедительно просился съездить ещё раз в Хунзах повздыхать на свою красавицу, и я отказал ему, отказал для его же пользы. Я уже давно писал к Алексею Петровичу (Ермолову. – *Авт.*) о моём баловне, и он велел привезти его с собой на воды (т.е. в Пятигорье), где будет сам. Он хочет дать ему поручения к Султан-Ахмет-хану, которые принесут несомненные выгоды «России и Аммалату...». Без всякого намёка на какие-либо угрозы, опасности и коварство полковник восклицает: «О, как счастлив буду, я его счастлием», предвкушая совсем уже близкую встречу в Георгиевске со своей «милой и бесценной» Марией и её личное знакомство с его кавказским другом.

«...Вчера я получил летучку (то есть экстренное сообщение через гонца. – *Авт.*) от главнокомандующего; великодушный человек! Он даёт крылья счастливым вестям... Я еду к тебе на воды! Только доведу полк до Дербента – и в седло. Не буду знать устали днём, ни дремоты ночью, покуда не отдохну в твоих объятиях...». Письмо буквально переполнено, дышит чувствами восторга и ожидания. Они порождают стремление немедленно поделиться плодами собственных размышлений об «Азии, этой колыбели рода человеческого, в которой ум доселе остался в пелёнках», в «изумительной неподвижности азиатского быта», в отстранённости от еди-

нообразного «ныне», якобы, предначертанного богом (11).

Следует заметить, что весь контекст этой части повести актуализирует вопрос о российском восприятии Востока как специфической модели мироздания, привлекавшей пристальное внимание общественной мысли России в 20–40-х годах XIX в., причём именно через посредство Кавказа (12). Данная проблема исключительно трудна для решения. Творческое наследие А.А. Бестужева (Марлинского) должно в скором времени занять должное место в ракурсе такого исследования.

...Вдохновенны и поэтичны прощальные зарисовки кавказской природы и гор, к расставанию с которыми готовится Верховский, – «надолго, желал бы навсегда».

Выбиваются, по нашему мнению, из общей тональности этого письма некоторые моменты самолюбования участием в жизни Аммапат-бека: «Мне, мне будет он обязан блаженством жизни... Я предвкушаю уже благодарность бурного юноши. Я, как судьба, втайне создаю ему наслаждение...». А также прозрачно проглядываемый мотив неких дурных предчувствий, которые Верховский пытается всеми силами преодолеть, заклиная в завершающих строках фрагмента своего послания: «О, бесценная, добрая, ангельская душа! Один взор твой – и я исцелён от мечтательности! Как счастлив я, что могу теперь с уверенностью сказать: до свидания».

Напрасная уверенность, порождаемая и характером героя и романтической экзальтацией самих жанра и произведения. Трагическая развязка уже близка! Крутая антироссийская «закваска» и коварство Султан-Ахмет-хана и наивная доверчивость безумно влюблённого почитателя Селтанет не оставляют других вариантов...

Примечания:

1. См., начиная со сс. 16-29 первой части данного издания.
2. См., например: Виноградов В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших публикаций). – Москва; Армавир. 2007, с. 43-45; Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. Бестужев-Марлинский и Лермонтов как выразители кавказской «российскости» // Год Александра Александровича Бестужева (Марлинского) – горизонты осмысления. – Краснодар. 2008, с. 50-56 (там и библиография); Серова М.И. «Российскость в культуре Кубани» (в печати).
3. Виноградов Б.С. А.С.Грибоедов на Северном Кавказе // Русские писатели в нашем крае. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1958, с. 23-40; Виноградов В.Б., Яндарова А.Х. А.С. Грибоедов в Чечено-Ингушетии. – Грозный. 1988; Виноградов В.Б., Шейха А. А.С. Грибоедов и кавказская действительность // В книге: Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.). – Армавир; Грозный, 1996, с. 24-36; Виноградов В.Б. А.С. Грибоедов: горская набеговая песня (историко-этнографический комментарий) // Модернизационные процессы в истории России XVIII-XX вв.: политика, экономика, культура. – Армавир. 2003, с. 11-18; и др.
4. Она издана в г. Нальчике в 2008 г. См. раздел «Декабристы и кавказская действительность первой половины XIX века» (с. 95-103).
5. См. о ней: Лапин В.В. Национальные формирования в кавказской войне // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Санкт-Петербург: журнал «Звезда». 2001, с. 108-125.
6. Эта «мечтания» и реальные акции точно передают негативные и просто губительные черты межфеодалного хаоса и острейшей борьбы антироссийских сил, не признающих исторического факта включения, вхождения Северо-Восточного Кавказа в состав многонационального Российского государства формирующего новый облик Дагестана (см., например: История народов Северного Кавказа. Тт. I и II.). – Москва, 1988; История Дагестана с древнейших времён до наших дней. – Махачкала: Изд-во «Юпитер», 1997; Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П.Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Эссендуки, 1999; и др.
7. Элементы достоверности этого этнокультурного антуража многократно подтверждаются привлечением вышеназванной уже кавказоведческой литературой.
8. См. неоднократные словесные описания и живописные изображения очевидцев той эпохи.
9. См., например: Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Научный сборник – Махачкала, 1988.
10. Это самый, что ни на есть, стандартный набор дорожного костюма северокавказских горцев. А белая бурка подчёркивает его богатство (см.: Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. – Москва: Наука, 1989, с. 16-39).
11. Возникает невольное желание рассмотреть и оценить этот интеллектуально-словесный пассаж как рождение новых тенденций в формировании некоего будущего единства мира (см., например: Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы. – Москва: «Интедиалект +»). 2001.
12. Из новейшей литературы см. об этом, например: Южный Кавказ в реалиях меняющегося мира: глобальное, региональное, локальное. Вып. 8. – Москва: МГИМО – Университет. 2007; Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. – Москва: Русская панорама. 2007; Захаров В.А. Ориентализм Эдварда Саида и восприятие Востока в лермонтовскую эпоху. – Москва-Пятигорск. 2008; Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. М.Ю. Лермоигов: «Как сладкую песню отчизны моей люблю я Кавказ» (фарс «ориснталистских клише») // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Вып. 11. – Москва; Армавир, 2008, с. 33-38; Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. Этюды о А.А. Бестужеве-Марлинском на Кавказе. – Москва; Армавир. 2008; и др.

VI. Погибельность «яда клеветы»

Следующая (XI) глава повести так и начинается: «Яд клеветы сжигал внутренность Аммалата». Его кормилица Фатма «со всеми признаками преданности и бескорыстной искренности» выполнила наущения Султан-Ахмет-хана, и «отправленная стрела вонзилась глубоко...». Теперь «убеждение озарило все прежде дружеские и родственные связи его светом ярким, хотя и погребальным...; уважение к святине гостеприимства» только на короткое время «преодолело кровожадность». Он лишь на сутки отсрочил «чёрное злодеяние», выплеснув на бумагу бесконечное смятение своей души, попавшей в силки злобной интриги.

«Верховский, Верховский! Что сделал я тебе? За что ты хочешь сорвать с неба звезду моей свободы?... Я бы простил тебя, если бы ты посягал только на жизнь мою, но продать мою свободу, похитить у меня, заживо погребённого (в Сибири. – *Авт.*) Селтанету! Злодей! И ты ещё дышишь?...».

Приводя в этой главе сумбурные, обрывочные, кипящие страстью и нервозностью полуночные рассуждения измученного терзаниями бека, А.А. Бестужев (Марлинский) заключает: «Так беспорядочно, бессвязно писал Аммалат, чтобы обмануть время и развлечь душу; так старался он обмануть самого себя, подстрекая себя мстостью, когда истинная вина его кровожадности, то есть желание владеть Селтанетою, пробивалось в каждом слове». Он изрядно выпил вина и, «опьянённый, с ружьём (фамильным, прадедовским. – *Авт.*) кинулся к палатке полковника; но, увидя часовых у входа, раздумал: врождённое в азиатце чувство самосохранения, не погасло и в самом безумии...». Вот это-то определение и похоже на диагноз состояния главного героя!

Вернувшись в свою палатку и разбудив верного Сафир-Али он начал

побуждать его к дальнейшему пьянству, назойливо вовлекая в малопонятный диалог со всякими непрозрачными намёками. Преданный нукер и молочный брат заверяет его: «Аммалат, я не только вино из одной бутылки, да и молоко сослал из одной груди с тобою. Я твой, если даже тебе вздумается, словно коршуну, свить себе гнездо на скале Хунзаха...» и уговаривает, что «теперь пора спать».

Пребывая в плену собственных видений и опасных химер, его потерявший над собой контроль хозяин требует: «Гей, подайте вина, ещё вина, ещё крови... говорю я вам!». После чего «упал в беспамятстве опьянения на постель; пена била клубом с его уст, судорожные движения волновали всё тело; он произносил со стоном невнятные слова».

Сафир-Али заботливо раздел его, уложил, укутал и просидел остаток ночи, напрасно приискивая в уме разрешения загадочным для него речам и поведению Аммалата!».

Породнённая и искренняя дружба молочного брата явно испытываются на прочность скрытностью и невменяемостью его партнёра...

Тема развивается и приводит к финалу в XII главе. Поутру, перед выступлением отряда, дежурный офицер встревожено сообщил полковнику Верховскому, что его вестовой, казанский татарин Хамитов (1), «подслушал разговор Аммалат-бека с его кормилицей в Буйнаках...». Старуха уверяла его, что вы с шамхалом собираетесь отправить его на каторгу. Аммалат бесился, бранился, говорил, что всё это зяцет от хана Аварского, и клялся погубить вас своею рукой». А минувшей ночью некому «издалека приехавшему всаднику» бек поручил: «Скажи хану, что чуть встанет солнце всё будет кончено. Пусть готовится он сам, я с ним скоро увижусь!».

Верховский возражает: «Нам с Амалатом нечего делить; притом же я ничего не сделал ему кроме благодарений... Я очень верю усердию вестового, но мало – его знанию татарского (в данном случае – кумыкского. – *Авт.*) языка... Я очень хорошо знаю Амалата; он вспыльчив, но доброго сердца. ..Яне имею никакого повода подозревать в чём-то ужасном Амалата. Да и какую выгоду найдёт он убить меня? Во мне все его блага и надежды. Он сумасброд, но не сумасшедший...». Капитан вышел, «сомнительно качая головой». Его немалый служебный опыт на Кавказе восставал против такой доверчивости. И не зря!

Автор повести со вкусом изображает картину утреннего полкового марша, где «бледен и угрюм» Амалат ехал «подле самого взвода застрельщиков». Полковник пытается «ласково пожурить» его за злоупотребление вином, которос-де «хороший слуга, но злой барин»; сочувственно спрашивает: «...Ты провёл буйную ночь, Амалат?».

Истерзанный подозрениями и уже полным недоверием к недавнему другу, бек реагирует враждебно, с внутренним вызовом и угрозой: «Лицемер! – говорил он про себя, – час твой близок!».

Так, как бы беседуя, а на самом деле скрытно и невнятно препираясь, «вдвоём с Амалатом они далеко опередили отряд». И, не доезжая вёрст восьми до Киекента (т.е. крупного и мирного селения Каякент. – *Авт.*) с горы открылось перед ним Каспийское море, и думы Верховского понесли над ними, как лебедь».

Искренний, дружелюбный и остроэмоциональный полковник, не обладающий, однако, должным даром и умениями, как сказали бы сегодня, психоаналитика и психотерапевта, «впадая в мечтания», делится своим сокровенным, открывая душу милому сердцу воспитаннику: «Да, Амалат! – примолвил он, – мне наскучило ваше почти всегда сердитое, пустое мо-

ре, ваш край, населённый болезнями и людьми, которые хуже всех болезней в свете; мне наскучила самая война с незримыми врагами, самая служба с недружными товарищами. Этого мало, что мне мешали в деле, портили, что приказывал делать... но порочили то, что я думал делать, и клеветали на сделанное. Верой и правдой служил я государю, бескорыстно – отечеству и здешнему краю; отказался я, добровольный изгнанник, ото всех удобств жизни, ото всех радостей общества, осудил свой ум на неподвижность, без книг; похоронил сердце в одиночестве, без милой... И что было мне наградою? О, скоро ль настанет минута, когда я брошусь в объятия моей невесты, когда я, усталый от службы, отдохну под сенью родной хижины на значном берегу Днепра... когда, мирный селянин и нежный отец семейства, в кругу родных и добрых крестьян моих, буду бояться только града небесного за жатву, сражаться только с дикими зверями за стадо! Сердце пост по этом часу! Отпуск у меня в кармане, отставка обещана... так бы летом летел к невесте... И через пять дней я непременно буду в Георгиевске, а все кажется, будто пески Ливии, будто ледяное море, будто целая вечность могилы разлучают нас!...».

Эта невольная исповедь тронула «душу неистового, вином пылающего Амалата, подобно лучу солнечному, упавшему в разбойничью пещеру. Он увидел тоску и слёзы человека, которого считал другом своим, и поколебался... «Нет, – думал он сам с собою. – до такой степени невозможно притворяться!...». Но тут Верховский очнулся, поднял голову и сказал спутнику: «– Приготовься, ты едешь со мною».

«Несчастливые слова!» – восклицает автор повести. – Все благородное, возникавшее вновь в груди азиатца, в один миг было подавлено ими; мысль о предательстве, о ссылке огненным потоком протекла по всему его существу. – С вами? – возразил он с злобной усмешкой. – С вами в Россию?

О, без сомнения, если вы сами поедете!».

Тормоза здравого смысла и добромыслия отказали полностью! Он начал как бы джигитовать вокруг ничего не подозревавшего полковника, и ему казалось, «что свистящий мимо ушей воздух жужжал ему: «Убей, убей! Это враг твой! Вспомни Селтанету...!». Он схватил из-за плеча меткое ружьё своё, взвёл курок и, ободряя себя криком, поскакал с кровожадной решительностью к обречённой жертве... Наскакивая, он в десяти шагах спустил курок!».

Паранойя (2), по крайней мере верные её признаки, победила и взяла свою невинную добычу! «Выстрел грянул и молча, медленно свалился полковник с седла».

Спешившись, Аммалат пристально смотрел на лицо предательски убитого и «трудно было узнать, невозможно передать того, что крутилось вихрем в груди».

Стремглав прискакал Сафир-Али и кинулся на колени подле полковника: «– Он мёртв! – произнёс отчаянным голосом!

«Моё счастье свершено! – произнёс Аммалат, будто пробуждаясь от сна». И слышит в ответ: «– Для тебя счастье! Для тебя, братоубийцы!... Если ты найдёшь его, свет станет молиться шайтану, вместо аллы (т.е. аллаха. – *Авт.*)». Бек гневается: «Сафир-Али! вспомни, что ты не судья мне! Следуй за мною», но получает резкое несогласие: «Пускай одно раскаяние преследует тебя как тень; отныне я не товарищ твой!». Остальные нукеры повинуются и, видя погоню, Аммалат, как стрела ринулся с ними в горы».

Окончание главы, рисующее глубокую скорбь солдат-гренадёров, окруживших «окровавленный труп изменнически убитого полковника, и плакавших навзрыд, живо напоминает подобную сцену прощания «седых усачей» с любимым капитаном, погибшим в Ватерикском бою, поэтически описанном вскоре М.Ю. Лермонтовым (3). И эта

параллель в высшей мере симптоматична (4), особенно в плане выработки феноменального литературно-художественного образа «настоящего кавказца» (5). Его воплощением следует признать и полковника Верховского.

Предпоследняя глава повести (XШ-я) подводит итог всепожирающей страсти Аммалат-бека, питаемый эгоистическими инстинктами его характера и плодами традиционного воспитания, поставленными в исключительную ситуацию нерядной жизненной судьбой.

Трое суток скитался Аммалат после убийства по горам Дагестана. В полном согласии с истиной А.А.Марлинский подчёркивает, что «как мусульманин, он и в деревнях, покорных русскому владычеству» (не говоря об иных) был «безопасен от всякого преследования». Немалое смятение ума и сердца от случившегося «ещё больше ожесточало, раздражало его...». Не надеясь на оставшихся нукеров, он решил ехать к Дербенту, как к месту погребения своей жертвы, один-одинёхонек, целиком, через горы и доли».

Тёмной, глухой ночью подъехал он к руинам «крепости Нарын-Кале, его у подножья того кургана, с которого Ермолов громил Дербент, бывши ещё артиллерийским поручиком». Напомним, что А.П. Ермолов в молодые годы принимал участие в так называемом персидском походе графа Валерия Зубова. За штурм и взятие Дербента в мае 1796 г. он был награждён орденом св. Владимира 4-й степени (7).

Хорошо ориентируясь на местности, Аммалат «прямо вышел на верхнее русское кладбище..., как вор гробокопный, пришёл похитить достойные могилы, спорить с чекалами (шакалам. – *Авт.*) о добыче». Он оправдывал себя жестокими раздумьями: «Мне ли бояться отнять голову у мертвеца, у которого похитил я жизнь? Ему это не потеря, а мне – сокровище... Прах бесчувственен!».

Не без труда отыскав, как ему показалось, могилу Верховского, Амма-

лат вскрыл её и покусился на тело в ней погребённого. «Ни месть, ни честолюбие, ни любовь – словом, ни одна страсть, подвигшая его на убийство, не ободряли теперь на безымянное неистовство». Но «отворотив голову, в каком-то забытьи стаз он рубить Верховского по шее... На пятом ударе голова отделилась от туловища. С отвращением бросив он её в приготовленный мешок, он спешил вылезти из могилы». Это удалось не сразу и «присутствие духа оставило святотатца... С тяжким стоном вырвался, выполз он без памяти из душевной могилы и бросился бежать, страшась оглянуться. Вскочив на коня, он погнал его, не разбирая утёсов и оврагов», преследуемый страшными видениями и «голосом дважды зарезанного друга».

Вряд ли его состояние улучшилось, если бы бек знал, что своё кощунство он совершил с разложившимся трупом незадолго умершего до того полковника Швецова, по ошибке разрыв его втропях (8). Воистину действия, Аммалата приобретали фатальную неадекватность!

«Везде, где не проезжал Аммалат, встречал он вооружённые толпы акушинцев и аваров (самоназвание аварцев. – *Авт.*), приезжих чеченцев и тайных хищников из татарских деревень, подвластных России. Все они спешили на сборные места, ближе к границе, между тем как беки, уздени и князьки съезжались в Хунзах, для совета с Султан-Ахмет-ханом, под предводительством и по приглашению которого собирались они ударить на Тарки». Так реализовывался далеко идущий план аварского владетеля по разжиганию междоусобной войны с явным антироссийским подтекстом (9).

Автор повести с большим знанием дела характеризует удачность выбора момента и своего рода праздничность настроения тех, кто готов было вновь ввергнуть свой край в кровавые испытания.

На третий день к вечеру доехал он до Хунзаха. Трепеща от нетерпения,

спрыгнул с коня, измученного бегом, и взял из торков роковой мешок». Вот она – заветная цель!

Но недаром говорится: человек предполагает, а бог располагает... Ханский дом наполнен угрюмыми воинами и нукерами, у дверей ханской спальни горько плачет Сурхай – побочный сын Султан-Ахмета. На вопрос Аммалата он безмолвно указал на двери, и прибывший жених Селтанеты «с изумлением переступил за решительный порог».

Его глазам представилось «сердце раздирающее зрелище». Посреди комнаты на тюфяке с ужасом в глазах и телесными муками умирал аварский хан, упавший с крутизны и жестоко разбившийся в ходе подготовки своего похода. «Жена и дочь рыдали на коленях у его ложа; старший сын его Нуцал в безмолвном отчаянии стоял в ногах, склонив чело на сжатую руку. Несколько женщин и нукеров плакали тихо поодаль».

Эта потрясающая словесная картина, между прочим, сподвигла юного М.Ю.Лермонтова на создание этнографически достоверного рисунка в числе других его иллюстраций к повести (10). Но она, «однако ж, не поразила, не обраламила Аммалата, преисполненного одною мыслию! Он приблизился к хану и громко сказал ему: – Здравствуй, хан! Я привёз тебе подарок, от которого бы оживился мертвец. Готовь свадьбу; вот мой выкуп за Селтанету! Вот голова Верховского! – С этим словом он бросил её к ногам хана».

На миг встрепенувшийся Султан-Ахмет с усилием приподнялся и произнёс едва внятно: «Пускай съест своё сердце тот, кто потчует умирающего такой ужасною яствою! Мне надо помириться с врагами, а не... Аммалат! я проклиная тебя!...». И упал бездушным трупом на изголовье.

Юрстную оповедь подхватила ханша, подытожив её так: «Безбожник, безбожник! Нет, гробом предков и саблями сыновей клянусь: ты никогда не будешь зятем моим, знакомцем, гос-

тем моим. Удались из моего дома, из-менник... Ступай и ведай, что дверь моя не отворяется для братоубийцы».

Аммалат стоял «как опалённый молнией. Всё, что роптала невнятно его совесть, высказано было ему вдруг и так неожиданно, так жестоко...». Он попытался воззвать к Селтанету. Она, преодолевая страдания и сердечные муки, «твёрдо сказала: – Прощай Амалат; я жалею тебя, но не могу быть твоею».

Всё рухнуло для потрясённого Амалата. «Дух его вспыхнул негодованием... Он вышел гордо и дерзко заглядывая в глаза узденей, как будто вызывал их на бой. Все, однако ж, уступали ему дорогу, но, кажется, более избегая его, чем уважая; никто не приветствовал его словом, ни знаком... Он вышел на двор, кликнул нукеров своих, безмолвен сел в седло и тихими шагами поехал по пустым улицам Хунзаха... С тоскою, с гневом, с сожа-

лением бросил он взор на дворец, в котором узнал и потерял все радости земные... Он силился плакать и не мог. Провидение отказало в этой отраде злодеям».

В последних строках, связанных с этими событиями сообщается, что, по Дагестану ходили слухи о скитаниях Амалата «между чеченцами и кабардинцами, об утере им красоты и здоровья, даже, якобы, «самой отваги». «Мало-помалу запала и молва об Амалате, хотя злодейская измена до сих пор свежа на памяти русских и мусульман, обитателей Дагестана; до сих пор имя его никем не произносится без укора».

Подобное единодушие, на наш взгляд, передаёт надежду и убеждённость писателя в мучительном, но неотвратимом складывании общей оценки случившегося у большинства населения этой «провинции» формирующегося «российского Северного Кавказа» (11).

Примечания:

1. В начале XIX в. казанские татары составляли уже заметный контингент среди обитателей Притеречья, активно участвуя в мирной колонизации Северо-Восточного Кавказа (см.: Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. На Терских берегах. Очерки об исторических группах старожильческого населения Среднего Притеречья. – Армавир. 1997 (глава «Казанские татары»).
2. Паранойя – «психическое заболевание, характеризующееся возникновением не соответствующих действительности идей, которые, систематизируясь, овладевают сознанием больного... В результате возникшие у больного явно не соответствующие действительности мысли задерживаются в его сознании как доминирующие, не поддающиеся исправлению ни опытом, ни убеждением» (Краткая медицинская энциклопедия. – Москва: «Советская энциклопедия». 1986, с. 574).
3. Последнюю публикацию на этот счёт см.: Виноградов А.В., Виноградов В.Б. Тайна вальерикского эпизода // Его отчизна в небесах. Материалы шестых Лермонтовских чтении. – Ярославль. 2007, с. 17-19.
4. См.: Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. Бестужев-Марлинский и Лермонтов – как выразители кавказской «российскости» // Год Александра Александровича Бестужева (Марлинского). Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар. 2008, с. 51-56.
5. Библиографию см.: Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. «Настоящий кавказец» М.Ю. Лермонтова как историко-литературное явление // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 8. – Пятигорск, 2007, с. 64-69.
6. См. об этом, например: Кудрявцев А. А. Мусульманский город Дагестана – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1994; Криштопа А.Е. Дагестан с XIII в. Очерк политической истории. – Москва: Изд. группа «Мамонт», 2007, с. 131 исл.
7. См.: Записки АП.Ермолова. 1798-1826. –

- Москва: «Высшая школа». 1991, с. 5; Бестужев-Марлинский А.А. Сочинение в двух томах. Т.1. – Москва: ГИХЛ. 1958, с. 628.
8. А.А. Марлинский, «не отступив от рассказов ни на шаг», привёл этот факт в общем примечании к повести. Указ, соч., с. 624-625, добавив к этому: «до сих пор с негодованием вспоминают все солдаты».
9. Очерк сложившейся обстановки см.: История народов Северного Кавказа (конец XVIII. – 1917 г.). – Москва: Наука, 1988. С. 22-30.
10. Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки. – Москва: Изобразительное искусство, 1980, с. 104-109.
11. См., например: Виноградов В.Б. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. – Москва-Армавир, 2006; Клычников Ю.Ю. Из истории формирования Российского Северного Кавказа. – Пятигорск, 2008.

VII.

«Он, верно, был большой грешник!»

Завершающая повесть XIV глава имеет все признаки эпилога и переносит читателей в 1828 год, когда при черноморский турецкий город Анапа – «эта оружейница горских разбойников, этот базар, на котором продавались слёзы, и пот и кровь христианских невольников, этот пламенник мятежей для Кавказа – обложена была русскими войсками с моря и от угорья».

С точки зрения реальной истории А.А. Марлинский был вправе так характеризовать последнюю османскую твердыню, прекрасно укрепленную и имеющую сильный «турецкий гарнизон, усиленный горцами («кабардинскими наездниками и пешими стрелками абазехов, шапсугов, натухайцев и других горцев Чрноморья»), беспрестанно беспокоящими осаждавших с тыла (1). Оканчивалась очередная османо-российская война, по итогам которой завершилось присоединение Северо-Западного Кавказа к Российской империи (2), хотя вооружённая борьба в горных районах ещё некоторое время, продолжалась, всячески подстрекаемая внешними антиросийскими силами (3).

С большим знанием дела описываются в повести фортификационно-полевые процедуры осады и подготовка решающего штурма Анапы, в которых важную роль играла стенобитная и иная артиллерия.

Наступил критический момент: «...И вот всё умолкло кругом, всё притаилось внутри Анапы и траншей; ни одной чалмы между зубцами, ни одного гранёного штыка в завалах. Только турецкие знамёна по башням и русские флаги на судах гордо играли в воздухе, не омрачённом ни одной струйкой дыма; только звучный голос муэдзинов (мечетских служителей, собиравших верующих. – *Авт.*) раздавался далеко, призывая мусульман к полудневной молитве».

Именно во время этого насто-рожённого затишья «с пролома, против самой бреш-батареи, спустился, или, лучше сказать, скатился всадник на белом коне, поддерживаемый верёвками, перескочил через полузасыпанный ров и как стрела ударил влево между батареей, перепорхнул через завалы, через дремлющих за ними солдат, которые не ждали и не гадали ничего подобного, и, преследуемый торопливыми их выстрелами, скрылся в лесу».

К вечеру осаждающие «с нетерпением отваги готовились к приступу», но «неожиданное нападение» извне «неистовых, дерзких горцев-черкесов» привело к отчаянному бою за стенами крепости, полная победа в котором досталась российским войскам.

И всё время этого жаркого «дела» российские воины с изумлением видели пред собою статного черкеса на белом коне. Он «тихим шагом проезжал взад и вперёд» вдоль фронта и попытке поразить его картечью не давали результата. «Артиллеристы грызли зубы с досады, видя ненаказанную дерзость наездника...».

«– Посылай ядро! – сказан фейерверку (т.е. артиллерийскому унтер-офицеру. – *Авт.*) молодой артиллерийский офицер, только что выпущенный из корпуса, раздосадованный более всех неудачей. – Я готов зарядить пушку своей головой: так хочется убить этого хвастуна. Картечью не стоит стрелять по одному: картечь – авось; ядро същёт виноватого». Тщательно прицелившись, он выстрелил.

На несколько мгновений дым одел батарею мраком... Его разнесло... Испуганный конь мчал окровавленное тело, запутавшееся ногами в траншеях... – Попал, убил! – закричали со всех траншей, и молодой артиллерист, набожно сняв фуражку, перекрестился... Ему скоро удалось схватить за по-

водья коня поверженного в прах черкеса (на поле боя это была «заслуженная добыча» – авт.)... Несчастному оторвало руку близ плеча, но он ещё стонал и бился. Жалость взяла доброго юношу: он окликнул солдат заботливо перенести раненного в траншею, послал за лекарем и при своих глазах дождался конца операции».

Здесь зафиксирован факт медицинского вспомоществования, в том числе хирургического, «на поле сражения», которое осуществлялось войсковыми врачами во всех необходимых случаях, включая и раненных с враждебной стороны (4).

И ночью «артиллерист сидел над полумёртвым своим пленником, с участием рассматривая его при тусклом свете фонаря», и пытаясь расшифровать «следы тоски, проторённые на щеках слезами, глубокие морщины лба, нарезанные не летами, но страстями, и кровавые царапины, обезобразившие прекрасное лицо, на котором выражалось что-то мучительнее боли, что-то страшнее кончины».

Неожиданно тяжело раненный горец пришёл в себя, «с усилием поднял руку до лба, открыл сю свои отяжелевшие веки, произносил странные, на первый взгляд, несвязные слова: «Кровь..., всё кровь. Зачем на меня одели его кровавую рубашку?.. Я и без того плаваю в крови... Зачем же не тону в ней?... Как холодна сегодня она... Бывало, она жгла меня... да и это не легче. На свете было так душно... в могиле так холодно! Страшно быть мертвецом!.. Глупец я! Искал смерти... О, дайте мне воротиться на свет! Дайте пожить, ещё хоть денёк, хоть часик пожить!... Что такое? Что? Зачем я спрятал в могилу другого? шепчешь ты... Узнай сам, каково умирать!».

Судорожное движение «прервало бред его; невыразимо страшный стон вырвался из груди страдальца». Он снова впал томительное забытие...».

Артиллерист, «тронутый до глубины сердца», сумел привести его в чувство. Он «открыл свои очи и пристально ус-

тремил зрачки на его лицо. И вдруг с пронзительным криком приподнялся с ложа... Волосы его стали дыбом, всё тело дрожало лихорадочной дрожью, руки искали что-то оттолкнуть от себя... Неописанный ужас изобразился на его лице... – Твоё имя? – вскричал он наконец, обращаясь к артиллеристу. – Кто ты, пришелец из горба?» и услышал ответ «– Я Верховский».

Таинственный незнакомец, изъяснявшийся, кстати, по-русски, не справился со страшным шоком, в который повергло его лаконичное представление предсмертной «сиделки». Он скончался, «сохраняя на челе печать последней тоски, собирающей медленность целых лет раскаяния в один быстрый миг, в который душа, отрываясь от тела, чувствует равно муки жизни и ничтожества, чувствует вдруг все угрызения минувшего и все страхи будущего. Страшно было видеть обезображенное лицо этого мертвеца. – Он верно, был большой грешник! – тихо сказал Верховский стоявший подле него генеральскому переводчику, содрогаюсь невольюно.

– Большой злодей, – примолвил переводчик. – Мне кажется, он был русский беглец. Мне не случалось слышать, чтобы какой-нибудь горец говорил так чисто по-русски... Дайт-ка мне посмотреть его оружие, не найдём на нём каких примет».

Обнажили кинжал умершего и прочли надпись: «Будь медленен на обиду – к отмщению скор!» – Самое разбойничье правило! – сказал Верховский! бедный брат мой Евстафий! Ты пал жертвою подобного изуверства. И глаза доброго юноши наполнились слезами... – Нет ли чего ещё? – спросил он. – Вот, кажется, имя убитого, – отвечал переводчик. – Оно: Аммалатбек!».

Тайна инкогнито раскрылась в последней строке, обозначившей конец судьбы прославленного в русской литературе героя. В тяжких душевных муках расстался он с жизнью, изуродованной обстоятельствами и людьми!

* * *

Остаётся добавить несколько фраз из итогового ((Примечания», уже представленного нами значительно выше (5). Пафос его состоит в настойчивом обосновании автором достоверности и Историкомочной обеспеченности повествования с учётом своих прав на художественное изображение произошедших событий и характеров героев.

Заслуживает особого внимания завершающая сводка сведений. Со слов «товарища почти всех его странствий, одним каракайдахским беком» А.А. Бестужев (Марлинский)

свидетельствует, что после своего святотатства «Аммалат долго скитался в горах, преследуемый совестью. Потом ушёл в Турцию, был в Истамбуле, в 1828 году дрался в Браилове против русских; оттуда перед взятием города бежал в Анапу и там умер в том же году... Он был красавец собой и с счас-

тливейшими способностями... ему доставало для счастья только твёрдого характера и откровенного сердца».

Смеем считать, что именно хитросплетения жизненной судьбы и причуды нрава определили суть его предсмертного монолога, нуждающегося в глубоком осмыслении.

Далее писатель сообщает: «Селтанста до сих пор прелестна собой и, живучи в крепости Бурной с мужем своим Абдул-Мусселином (тем самым сыном шамхала Тарковского. – *Авт.*), свела с ума не одного русского», добавляя, что в сентябре 1831 года, когда и было написано «Примечание», «находится в цветущем здоровье и живёт у матери своей в Аварии».

Неистовая любовь и реальности брэнного мира далеко не всегда совмещаются! А гордыня – тяжкий грех во всех конфессиях земного бытия.

Примечания:

1. Исключительную роль Анапы в качестве последнего оплота Османской Порты в прибрежной зоне Кавказа подчеркивают все современные историки. См., например: Приймак Ю.В. Северо-Западный Кавказ в системе Османской империи. XVIII – первая треть XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2000 (там и основная библиография). См. также: Ляхов А. Русская армия и флот в войне с Османской Турцией в 1828-1829 годах. – М., 1972; и др. С другой стороны, многого стоит реестр местных народов перечисленных писателем, хорошо знавшим этноменклатуру той части региона, куда в дальнейшем приведёт его судьба.
2. Матвеев О.В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и её этнополитические и социокультурные последствия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1996.
3. См. об этом: История народов Северного

Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – Москва, 1988; Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. – Краснодар: Советская Кубань, 1996, с. 240–270; Кипкеева Зарема. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. – Ставрополь, 2008. с. 97 и сл.

4. См., например: Виноградов П.Б. Н.И. Пирогов в нашем крае // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ, том V, вып. 1, история. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1964, с. 133-148; Виноградов П.Б., Руднев С.М. Великий русский хирург Н.И. Пирогов и горская медицина // Специальные аспекты хирургической помощи населению в современной России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Успенские чтения. Вып. 5. – Тверь, 2008, с. 9.
5. См. ранее изданную «часть I» этого исследования. – Москва; Армавир, 2009, с. 16-17.

Первая художественно-прозаическая энциклопедия Северного Кавказа (вместо заключения)

Итак, предпринята попытка сквозного обзора историкоэтнографического содержания знаменитой кавказской повести «Аммалат-бек», принадлежащей перу писателя-декабриста А.А.Бестужева (Марлинского), занявшего особое место в российском открытии Кавказа. Вряд ли она исчерпывающа, а тем более беспроblemна с точки зрения понимания и выражения основной сути далеко не однозначных воззрений выдающегося представителя передовой части Российской империи на русско-кавказский вопрос в момент его ранее беспрецедентного обострения (1).

Однако смеем надеяться, что выполненное исследование дополнительно аргументирует тезис о том, что с первых дней пребывания на Кавказе классик отечественной литературы и общественного мнения изучал и воспроизводил этот сложный благоприобретаемый его родиной край как «писатель, историк, этнограф и фольклорист», стремясь выработать «весьма прогрессивный для того времени взгляд» (2) на многотрудный, но активно протекавший процесс формирования Российского Кавказа, воплощённый в разных жанрах его творчества. Сегодня это эпохальное явление надёжнее всего рассматривать с позиций концепции «российскости», завоевывающей широкое научное признание (3).

Здесь он шёл рука об руку с А.С. Пушкиным – великим поэтом и мыслителем, постигавшим и воспевавшим органическое сращивание пространств и народов в ареале южных границ многонационального государства (4).

Возьмём на себя смелость аттестовать «кавказскую быль» – повесть «Аммалат-бек» как первую своеобразную художественно-прозаическую энциклопедию, имея в виду, что корневой

смысл французского термина «encyclopedie» несёт в себе словосочетание «в круг просвещения» и синонимично сопоставляется с понятием «универсальность», т.е. всесторонность, всеохватность. Таково и было содержание и предназначение оригинального литературного произведения, смело представленного читающей России одним из лучших её сынов.

Нс претендуя на завершённость и бесспорность изложенных суждений, считаем, что они будут небесполезны в дальнейшей разработке актуального, синтетического по сути кавказоведческого проекта (5), на протяжении ряда лет являющегося предметом настойчивого интереса в русле изысканий той кавказоведческой Школы, к которой прямо причастны авторы (6).

Наши комментарии предшествуют, по идее, возможно более обстоятельному анализу той исторической ситуации, которая отразилась в своеобразном, единственном, по сути,

художественном произведении, написанном высококомпетентным автором по свежим следам событий, имеющих логическое продолжение с его непосредственным участием.

Задача эта ответственна и сложна. Она подразумевает глубокое изучение обширного пласта имеющейся научной историографии: постоянно противоречивой, неизменно субъективной и часто меняющей свои оценки и позиции. Последнее из известных нам исследований такого рода – монография Ш.А. Гапурова, Д.Б. Абдурахманова и А.М. Израйилова «Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века», выполненная в недрах современной науки Чеченской Республики и вышедшая в свет в начале 2009 г.

Являясь изощёренным образцом одного из активных сегментов текущего

состояния (эмоционального и политизированного) национального кавказоведения, она требует детального критического обсуждения, в том числе в

русле изучения историософского творчества А.А. Бестужева (Марлинского). Надеемся, что это – дело ближайшего будущего...

Примечания:

1. Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.). Полемические этюды. – Армавир-Грозный, 1996.
2. Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008, с. 98-99.
3. Последние по времени историографические обзоры см.: «Российскость» в истории Северного Кавказа. Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 9 (научный сборник). – Армавир, 2007; Великая Н.Н. «Российскость» как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. №45. – Ростов-на-Дону. 2007, с. 88-101; она же. О преемственности в развитии отечественной исторической науки // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 14. – Москва; Армавир, 2008. с. 47-60; Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. Концепция «российскости» как модель познания хода государственного сплочения народов Юга России // Историческое регионоведение – вузу и школе. Вып. 12. Москва; Армавир, 2009, с. 6-8.
4. См., например: Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань (историко-литературные этюды). Изд. 2-е, доп. – Армавир, 2001; Маркелов Н.В. А.С. Пушкин и Северный Кавказ. – М.: Гелиос АРВ, 2004 (там и библиография).
5. См., например: Захаров В. А. Образы Кавказа и русское общественно-политическое сознание // Материалы научной конференции «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы». – Армавир. 2008, с. 16-23.
6. Основную библиографию см.: Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы. – Армавир. 2003; он же. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. – Москва; Армавир, 2006; Виноградов В.Б., Черноусова И.Г. Из эпизодов «лермонтовского Кавказа». – Москва; Армавир, 2007; Виноградов В.Б., Люфт Е.Г. Этюды о А.А. Бестужеве-Марлинском на Кавказе. – Москва- Армавир, 2008; и др.

Содержание

А.А. Бестужев (Марлинский): новые горизонты познания Кавказа (к читателям)	3
I. Повесть «Аммалат-бек»: русский генерал и кумыкский владетель глазами полковника Верховского	4
Примечания:	10
II. «Записки Аммалат-бека» и охота на кабанов	13
Примечания:	17
III. «Поклянись быть врагом русских...»	18
Примечания:	21
IV. Приключения у древней стены	22
Примечания:	27
V. «Ты должен убить Верховского»	29
Примечания:	35
VI. Погибельность «яда клеветы»	36
Примечания:	40
VII. «Он, верно, был большой грешник!»	42
Примечания:	44
Первая художественно-прозаическая энциклопедия Северного Кавказа (вместо заключения)	45
Примечания:	46

Виноградов Виталий Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и региональной истории Армавирского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани, Чечено-Ингушской АССР, почётный работник высшего профессионального образования России, член президиума Общественной Академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа, академик-руководитель научной школы Международной Академии наук, академик Международной Академии информатизации, член Союза журналистов России.

Люфт Елена Гейнриховна – студентка 3 курса исторического факультета Армавирского государственного педагогического университета.

Научное издание

**А.А. Бестужев (Марлинский):
историко-этнографические реалии повести «Аммалат-бек»
(Часть II).**

**Практические опыты исторического регионоведения.
Вып. 54.**

**Под редакцией д.и.н., академика МАН, профессора КГУКИ
М.И. Серовой.**